

РОССИЙСКАЯ МАТРИЦА

Прежде чем оставить читателя наедине с текстами, хотелось бы в тезисной форме дать некоторые пояснения.

Почему журнал обращается к извечным вопросам российского национального характера, российского архетипа, российской идентичности?

По сути, все эти понятия отражают срезы российского общества в различных ипостасях согласно научным традициям, школам и направлениям. Мы попытались собрать их воедино, и получилась «русская матрица». Причем при ее построении заложена аксиоматическая последовательность: «сначала россиянин, а потом представитель какого-то этноса» (В. Путин). При всех углубляющихся процессах глобализации социокультурные основы жизни сохраняются, хотя и модифицируются. Мы можем рассматривать японскую, китайскую или европейскую матрицы и т.д.

Почему все-таки мы обратились к этой теме?

Во-первых, в последнее время появилось множество новых семантических символов, которые мало объясняют происходящее, но сплошь и рядом уводят наблюдателя туда, откуда просто не видно реального объекта: он виртуализируется. Вместо адекватной научной рефлексии возникают некие симулякры, объединяющиеся по логике лоскутного, клипового сознания. Их фрагменты благодаря технологиям современных коммуникаций вбрасываются в массовое сознание. Более того, давая процессам новые названия, мы как бы обрываем историческую преемственность научного знания. Причем новое понятие не обязательно дает новое понимание. Скорее это попытка спрятаться от настоящего с помощью знака, понятного в лучшем случае лишь узкому кругу интеллектуалов.

Итак, без адекватных инструментов научного понимания мы продолжим оставаться в кругу сиюминутных мифов и интеллектуальных суррогатов, обслуживающих корпоративные практики.

Во-вторых, всегда хочется найти некую конструкцию, которая, с одной стороны, будто бы и «виновата» в том, что происходит, и одновременно она же и определяет облик социальной реальности.

В-третьих, в переходные исторические эпохи (а Россия, безусловно, переживает именно такой момент) потребность в осмыслении тем: «Кто мы такие?», «Откуда мы взялись?», «Как мы развиваемся, и почему так?» далеко выходит за рамки научной рефлексии и становится настоящей потребностью всего общества.

Как изучать российскую матрицу? Прежде всего, необходимо, наконец, изжить одну из черт нашего национального самосознания, на которую указывал, в частности, Н. Бердяев: «То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, в что-то вроде религиозного откровения». Об этом же писал известный русский философ С. Франк: «...нигилизм — неверие в духовные начала и силы, в духовную первооснову общественной жизни — есть — рядом и одновременно с глубокой и религиозной верой — коренное, исконное свойство русского человека». Нигилизм «всегда тяготеет к крайностям, к отрицанию всяких духовных начал, к вере в одну лишь физическую силу — но эти общие тенденции могут окрашиваться то в “правый”, то в “левый” цвет». Отечественная история XX и начала XXI в. в полной мере продемонстрировала выявленные закономерности: и общественная мысль, и практики постоянно бились в крайностях — от ленинско-сталинского марксизма до крайне вульгарных форм политического либерализма.

Представленные тексты отражают многообразие идейных и теоретических позиций авторов. Мне кажется, это позволяет более полно раскрыть заявленную тему.

Что же делать?

Прежде всего, понимать ту реальность, с которой приходится иметь дело, учитывая при этом, что ценой бесконечных поисков, «эволюционного отбора истории» были сформулированы некие константы, без учета которых страна сваливается в смуты и геополитические расколы. Таких констант немного: сначала мы — россияне,

а затем уже русские, татары и т.д. Мы можем существовать только в многоконфессиональном и многонациональном государстве при сильной государственной власти. Целостность России определяется сильной верховной властью и сильными регионами в одно и то же время. Это трудно соединить, но мы обязаны найти такую форму федерального устройства, которая бы обеспечивала устойчивое функционирование институтов власти на всех уровнях при реальном включении гражданского общества в процесс преобразований. Только в этом случае произойдет окончательное изживание политического строя, который беспредельно расширил «свое вмешательство в жизнь граждан, включив всю их деятельность в объем своего управления и принудительного регулирования» (И.А. Ильин).

Ошибки сегодняшнего политического класса происходят в т.ч. и потому, что при реформах недостаточно просчитывались и не учитывались в социальных практиках существенные параметры «русской матрицы» – российского культурно-исторического кода, который был и является экзистенциальной основой нашей идентичности, определяющей течение отечественной истории. Только с учетом «русской матрицы» можно снизить риски в обустройстве России и достойно ответить на вызовы XXI в.

И последнее. Публикуя тексты, мы не закрываем тему. Наиболее интересные отклики будут опубликованы.

Аркадий ЛАПШИН – главный редактор

Круглый стол, инициированный редакцией журнала «Власть», посвящен анализу концепции «русской матрицы» (РМ). Эта тема, достаточно редко появляющаяся на страницах политологических журналов, тем не менее представляет новые возможности не только для понимания специфики «русского пути», но и для анализа природы взаимоотношений власти и общества. Дискуссия открывается статьей известного культуролога профессора А.А. Пелипенко «Проклятие русской матрицы». Русская матрица (РМ) представляет собой продукт исторически сформировавшегося ментального типа, а также особую организацию русского общества, при которой оно естественным образом расслаивается на властную верхушку и огромное бесправное большинство. РМ антиисторична, антиличностна и антиантропна, что создает и воспроизводит механизм архаизации общественного сознания. Автор считает, что все это создает опасную и критичную для существования российской цивилизации расколотость российского общества на русский Запад и русскую Азию. Участники круглого стола достаточно жестко критикуют позиции автора с точки зрения традиционализма, прогрессизма и функционализма. В частности, высказывается мнение о нормативности российского общества, говорится о том, что пора перестать рассматривать русский путь как девиантный. Русская традиция создала тип цивилизации, который демонстрирует конкурентоспособность в современном обществе. Некоторые пишут о неприменимости концепта «русская матрица» в связи с тем, что Россия – не национальное государство и тем более не «матрешка», из которой выскакивают все уменьшающиеся копии РМ. Это многонациональная и поликонфессиональная империя. Обсуждение выводится в практическую плоскость, когда показывается, что политическая роль «азиатчины» и непроясненности зависит от позиций правящего класса, искусственно сохраняющего этот культурный профиль.

Ключевые слова:

русская матрица (РМ), национальная традиция, общественное сознание, русский мир ценностей, власть, общество, интеллигенция, имперскость, коммунизм, постсоветская Россия, русская Европа и русская Азия.

The «round table» initiated by the «Power» magazine is dedicated to the concept of Russian matrix (RM). Being highly relevant this concept rarely appears on the pages of political magazines. We believe that this issue is able to bring some new opportunities for understanding not only the specifics of the «Russian path», but also the nature of relations between the authorities and society here. The discussion opens with the article written by a famous expert in cultural studies, professor A.A. Pelipenko «The Curse of Russian matrix». RM as a kind of mental entity, is also a special system of organization of Russian society, which is naturally stratified throughout its history into imperious top and a huge disenfranchised majority. RM is ahistorical, antipersonified and inhuman. These features generate an archaic mechanism of social consciousness. The author considers that the modern split of the Russian society into two parts – European and Asian ones, is now becoming a critical and extremely dangerous factor for the existence of the Russian civilization as a whole edge. The participants of the «round table» rather strictly criticize these views from various positions: traditional, progressivist and functionalist ones. The society in Russia is normative; and it's time to stop looking at Russian historical path as a deviant one. The Russian tradition has developed the type of civilization, which is demonstrating its competitive ability in the modern society. Some believe that the concept of RM is generally inapplicable because Russia neither a nation-state, nor a Russian «matreshka», giving birth to new and new historically reduced copies. It's a multinational and multireligious empire. There's also an actual position that the RM should not be seen in the general cultural terms. The Asiatic features and unenlightenment of the majority of the population depend only on the position of the ruling class, which artificially preserves this cultural profile in Russia.

Keywords:

Russian matrix, national tradition, social consciousness, human world of Russian values, power, society, intellectuals, imperialism, communism, post-Soviet Russia, Russian Europe and Russian Asia society

ПЕЛИПЕНКО Андрей Анатольевич –

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник сектора теории социокультурных процессов и систем
Российского института культурологии
detoped@yandex.ru

ПРОКЛЯТИЕ «РУССКОЙ МАТРИЦЫ»

В позднесоветские времена интеллигенты-прогрессисты не сомневались в том, что падение коммунизма, чего они, впрочем, втайне боялись, будет означать автоматическое торжество добра, справедливости и здравого смысла в их «общечеловеческом», т.е. западном, понимании. С тех пор возникло немало поводов поиздеваться над этими наивными грезами, что и было сделано. Но сейчас, когда в исторически обозримой перспективе замаячил очередной крах, т.е. завершение очередного «русского цикла», перед рефлектирующим сообществом возникает мучительный вопрос: ждет ли нас пусть ужасный, но все-таки конец *этого*, или последует очередная смена декораций, и *это* вновь разродится уменьшенной матрешкой? Коммунизм, сталинизм, большевизм, фашизм, православный фундаментализм, широко понимаемое манихейство – это лишь обертки. В ином случае гибриды всего этого не рождались бы с такой легкостью. Сущность же *этого* – «русская матрица», т.е. такая система самоорганизации общества, в силу которой оно естественным образом всякий раз расслаивается. Говорю «русская», а не «российская» потому, что коренится она в русской ментальности, а не в российской политической системе.

Противники понятия «ментальность» говорят, что никакой матрицы нет: стоит лишь поменять политическую систему и социальные «правила игры», и Россия тотчас станет нормальной цивилизованной страной. Может быть, может быть... Только вот поменять эти самые правила почему-то никак не удается: ни царям-реформаторам, ни генсекам-вольтерьянцам, ни президентам-демократам – никому. Вот здесь и проявляет себя «русская матрица» – продукт исторически сформировавшегося ментального типа, обладающего определенными устойчивыми чертами. Одна из них – антиисторизм.

Сознание человека «русской матрицы»

архаично и инфантильно. Мир описывается набором племенных мифологем, почти полностью блокирующих рациональное восприятие реальности. Время для такого сознания течет циклично, точнее, по спирали, но с очень вялой поступательной компонентой. Исторический опыт не аккумулируется, статус события и факта зависит от их интерпретации в мифе. Все нерелевантное мифу – отбрасывается. Циклы мифологического времени членятся сменой власти – космозирующего субъекта и источника всякого бытия. Приход нового правителя знаменует очередное обнуление времени и ритуальное обновление космоса, когда жизнь начинается с чистого листа, а весь накопившийся исторический опыт сбрасывается, как ветхая одежда. В этом нет ничего уникального: такое отношение архаического сознания к историческому бытию хорошо описано М. Элиаде на материале древних народов. Уникальность, однако, в том, что в данном случае носителем антиисторического сознания является народ, глубоко вовлеченный в современный мир и сам парадоксальным образом привнесший историзм и феодально-имперскую государственность в бытие архаичных народов Сибири и Дальнего Востока. Бесконечное бегство от ужаса истории в давно «расколдованном» (М. Вебер) мире оборачивается чем-то еще более ужасным: например, коммунистической утопией. Примечательно, что чем дальше народ ушел от мифологического представления о времени, тем выше у него иммунитет к искушению разом прыгнуть в рай, где нет ни зла, ни противоречий, ни проклятой истории. Показательно в этой связи, что русским, в отличие от остальных, коммунизм никто извне не навязывал.

«Русская матрица» антиличностна. Существование самоактивной и автономной личности здесь допускается лишь в случае, если она оправдывает свое отпадение от коллективного «тела» служением: царю, Богу, отечеству, начальству,

какому-либо институту или идее. В ином случае личность — отщепенец, самозванец и, в конечном счете, предатель и враг. Подавление личностного начала — атавизм глубоко архаичной социокультурной системы, где отдельный индивидуум ценится только как персонификатор, своего рода медиум, через которого воздействуют на общество непредсказуемые и неконтролируемые мистические силы. Личность же, действуя исключительно от себя и по своему собственному уму, всегда подозрительна и опасна, ибо своей самостной активностью нарушает мистически предопределенный порядок вещей и хотя бы невольно «фильтрует» поток исходящих свыше флюидов. Вот почему в русском традиционном сознании так важна персоне и так принижается личность. Закрываясь от исторического опыта, общинно-племенной коллективизм вступил в причудливый симбиоз с принципом персонификации, когда персоне-медиум оказывается медиатором и концентрированным воплощением коллективного духа в его диалоге с силами космоса. Отсюда бесконечные поиски харизматиков в ответ на вопрошания: кто есть истина? Лишь в самое последнее время в наиболее продвинутой части общества начало созревать рациональное понимание законов бытия и тщетности надежд на харизматическую персону-медиума.

«Медиумическая» программа глубоко укоренилась в ментальности российского властного субъекта на всех уровнях. Оттого сознание российского чиновника всегда в некоторой степени раздвоено: с одной стороны, он принадлежит к миру живых человеческих отношений со всеми их «неправильностями», а с другой — к полутрансцендентному миру Должного, миру высших и таинственных сверхрациональных резонансов. В этой своей ипостаси чиновник транслирует в мир перлы непостижимой для простых смертных запредельной мудрости, которая, однако, нередко предстает полностью оторванным от жизни идиотизмом. Начальственный идиотизм — не просто бытовое явление. Это примечательный культурный феномен. Корни его восходят к священному безумию жреца, глаголющего от имени высших сил, высящихся над пошлым здравым смыслом и вообще любыми доводами разума. Помню, как в позднесоветские времена по учреждениям и вузам ходили

лекторы-«просветители» от КГБ, в чью задачу входило преподнести опостылевшие образы кремлевских старцев и маразм проводимой ими политики в ореоле мудрости и величия. С аудиторией попроще им это удавалось. Медиумическая функция иерархии государевых людей становится особенно актуальной в условиях обострения культурно-цивилизационного раскола. «Правильный» государев человек не только выступал медиатором между метафизическими полюсами Должного и Сущего, но и ситуационно «сшивал» безнадежно чуждые друг другу половинки российского социокультурного космоса, выступая живым синтезом формального и неформального начал. В связи с этим нетрудно объяснить фантастический успех фильма «Чапаев» и не сравнимую ни с каким иным произведением фольклоризацию его героев. Фурманов — носитель формального, «трансцендентного» начала, абсолютной и безупречной высшей правильности. Петька — противоположный, всецело «имманентный» полюс народной стихии с ее спонтанностью, неправильностью и всем «человеческим, слишком человеческим» (Ницше). Между ними герой-медиатор — Чапаев, преодолевающий крайности обоих полюсов и выполняющий роль мифического культурного героя, синтезирующего Должное и Сущее, и потому воссоздающий полноценно-завершенную ткань бытия. Попытки же слияния Чапаева и Фурманова в одном образе, как, например, в «Щорсе» А. Довженко, всегда выглядят фальшиво и неубедительно, ибо в логике манихейского сознания дуализм Должного и Сущего следует не игнорировать, а преодолевать. Но русское Должное умерло, и властный идиотизм лишился своих бессознательных мистических подпорок.

Русская матрица парадоксальным образом делает нашу цивилизацию антиантропной: обычный, «не государев» человек здесь не имеет ни прав, ни законного места, ни вообще чего-либо устойчивого, неотъемлемого, гарантированного. На каждом шагу его поджидают опасности, подвохи, унижения. Вся социальная и даже предметно-бытовая среда настроена против него. Мир вещей устроен неоптимально, нелепо, безобразно, неудобно. Сфера социальных отношений в этом смысле — продолжение мира вещей. Человек рожден, чтобы мучиться! Эта

вызревшая в лоне восточного христианства формула была доведена в СССР до своего совершеннейшего воплощения в смертельном экзистенциальном ужасе сталинской эпохи. Официальные декларации на тему: «все для человека!» комментировать не стану. Постсталинское «смягчение нравов» и улучшение социально-бытовых условий происходило не благодаря, а вопреки «русской матрице». И этот вынужденный компромисс стал началом ее конца.

Коренящаяся в византийском православии идея глубинной и безнадежной испорченности мира при полном исчерпании эсхатологического мифа оборачивается фатальной беспочвенностью существования: скачок в рай отменяется, а дольний мир не улучшаем. В практическом аспекте проблема принимает вид дихотомии: либо изжить «русскую матрицу», либо, спиваясь, вымирать. Неудивительно, что расколотое общество дает два противоположных ответа. Но какой из ответов станет определяющим? Обращаясь к вопросу о перспективах, подыграю не очень симпатичной, но весьма распространенной привычке российских аналитиков осмыслять мир сквозь призму исторических аналогий, не обращая внимания на их отчаянную хромоту.

В 1917 г. завершившая свой очередной исторический цикл «русская матрица» переформатировалась. Место православного монарха занял обожествляемый вождь. Два диссистемных социальных слоя — пролетариат и буржуазия — обрели свои места в обновленной системе. Пролетариат-гегемон взял на себя роль проводника в коммунистический рай, а буржуазия заняла место лубочного средневекового дьявола, заставив вновь принять мировое зло всерьез. Парадоксальная смесь изоляционизма и агрессии получила новое обоснование в идеологеме всемирной победы коммунизма (позднее — социализма) в сочетании с презрительно-высокомерным отторжением «чуждых нам» идей, ценностей, норм, вкусов и нравов. Тогда система отделилась переформатированием, хотя видно это стало лишь с немалой исторической дистанции.

Будет ли так и сейчас? Вряд ли. В 1917 г. баранье-манихейское «мы» наполнилось действительно новым, духоподъемным (без иронии!) содержанием. Коммунистический миф как никакой дру-

гой вводил от ужаса истории, а имперское строительство наполняло жизнь малых сих конкретным смыслом, отодвигая в подсознание болезненные нравственные интуиции и пошлый рационализм законов бытия и здравого смысла. Впрочем, замахиваясь на мировое господство, советская система хоть и в отфильтрованном и искаженном виде, но все же адаптировала некоторые мотивы гуманистической антропологии и морали в их своеобразно обобщенной просвещенческо-романтической редакции. Система же постсоветская, озабоченная исключительно самосохранением, весь этот балласт сбросила. Герой нашего времени — успешный подонок, а тот, кто не смог ничего украсть, — лузер.

Пиком цивилизованности советского человека были 1970-е–80-е гг., когда имперская система образования прикрыла его варварскую суть, казалось бы, достаточно солидным слоем рациональности, нравственной выучки и общей эрудиции. Однако то ли «период цивилизованности» оказался слишком кратким, то ли знания были не те, то ли «русская матрица» в очередной раз взяла свое, но, как только государству стало не до просвещения масс, последние с нескрываемым удовольствием предались стремительному раскультированию. И без того шаткие моральные устои и тощий опыт духовной дисциплины вмиг оказались растоптанными разудало-задорным носорожьим цинизмом. Немало говорят об ответственности верхов за обывление, обывливание населения в постсоветскую эпоху. Все верно, и рано или поздно кто-то должен будет за это ответить. Но почему не говорят о том, с какой легкостью значительная часть общества предалась этому обывлению? Как только варвара перестали одергивать, наружу полезло агрессивное невежество, дичайшие суеверия, первобытная ксенофобия. Самодовольная тупость оказалась возведенной чуть ли не в культ. Торжествующая пошлость пронизала собой все сферы жизни и социальных коммуникаций, а эпидемия конспирологии заставляет задуматься о массовом безумии народа, уходящего с исторической сцены. Упрощение, сброс культурно-цивилизационного гумуса — типичные симптомы закатной эпохи, что, впрочем, не снимает ответственности с конкретных людей, сознательно усиливающих этот процесс. И самое тревожное: историче-

ский опыт показывает, что процесс такого масштаба раскультирования необратим. С достаточной исторической дистанции механизмы архаизации общественного сознания в последние 20 лет станут более понятными. Но сейчас речь не о них как таковых.

В наши дни вновь приобретает критическую остроту неизбежная расколота общества на европейскую и азиатскую части. Речь идет, разумеется, не о географии, а о ментальности. «Русская матрица» традиционно разрешает критическое до несоместимости разведение культурно-цивилизационных полюсов путем репрессивного подавления европейской части. Будет ли так и на сей раз? Есть некоторая надежда, что нет. Похоже, «русская матрица», наконец, надорвалась. Когда приводят ужасающую статистику по алкоголизму, наркомании, суицидам, детской смертности и всему остальному, что вкупе позволяет говорить о полномасштабном антропологическом кризисе, то все это относится, главным образом, к «азиатской» части, вступившей в полосу стремительной деградации. И причина ее не в каких-то частных социально-экономических проблемах, а в исторической усталости и бессмысленности существования. «Европейская» же часть при всей своей малочисленности, напротив, являет внушающую осторожный оптимизм жизнеспособность и готовность интегрироваться в современный мир. Однако вытянуть за собой

деградирующих детей «русской матрицы» она, очевидно, не в состоянии. А потому, глядя правде в глаза, следует, наконец, сменить повестку дня: прекратить осточертевшие разговоры о реформах, хотя бы даже и революционных, и осознать, что выбор заключается не в их проведении или не проведении. Ведь реформы, проводимые в интересах одной части общества, будут до последнего саботироваться другой. Стратегических решений, удовлетворяющих обе стороны расколотого общества, не существует. Вопрос стоит так: либо умиравшая «русская матрица» утащит российский европеизм с собой в историческое небытие, либо решится, наконец, на «развод».

Русский раскол неизбежен. Для значительной части общества он даже стал болезненной формой идентичности. Преодолеть его в рамках России как цивилизационного целого, как бы того ни хотелось, невозможно в принципе. Неизбежное геополитическое переформатирование России в ходе деградации режима создаст условия для названного развода. И водораздел пройдет не по уровню доходов или месту проживания, а по ментальным кодам, ибо русской Европе и русской Азии более в одной стране не ужиться, как не работать «сетевым хомячкам» на Уралвагонзаводе, ибо общие культурно-цивилизационные коды полностью сняты. Или нас ждет еще один(?) виток исторической спирали, еще одна матрешка из чрева «русской матрицы»?

ЗАВЕРШИНСКИЙ Константин Федорович –

*д.полит.н., профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии СПбГУ
Zavershinskiy200@mail.ru*

ОПАСНАЯ КОЛЕЯ «РУССКОЙ МАТРИЦЫ»

В постсоветской интеллектуальной публицистике для описания специфики социокультурной эволюции современного российского общества используются такие понятия, как «русская матрица», «русский цикл», «ментальные коды русской культуры». Причудливое сочетание известного смысла с семантикой пришедших из западной социологии терминов некоторые авторы риторически усиливают написанием

этих понятий с прописных букв. Вместе с тем независимо от прогрессистских или консервативных контекстов подобных описаний культурной природы «русской ментальной матрицы» у многих читателей при знакомстве с подобными текстами возникает чувство дежавю. За «матрицами» и «ментальными кодами» прослеживаются весьма традиционные способы описания социокультурных процессов.

Как-то в одной русской деревне мне поведали историю о неудачных похоронах. С появлением в советское время тяжелых лесовозов проселочная дорога, ведущая к старому кладбищу, и до этого плохо проходимая, превратилась в две глубокие колеи. И в осеннюю распутицу кому-то из жителей пришла в голову «идея» использовать трактор с прицепом для перемещения гроба с усопшим на кладбище. Попытка совместить старый ритуал проводов в последний путь с «индустриальными технологиями» закончилась печально — гроб во время движения не удержался на прицепе и опрокинулся в грязь... В воспоминаниях об этом событии оценка жителей колебалась между двумя полюсами: от эмоциональной, «консервативной» констатации утраты совести с приходом всеобщей советской безответности до «прогрессивной» иронии по поводу «дураков» и «плохих дорог». О людях, переживших, я полагаю, серьезную культурную травму, никто не вспоминал. Как и никто не апеллировал при описании этого инцидента к специфике «русской ментальности» в терминах «русской идеи», «матрицы» или иных идеальных конструктов, созданных интеллектуалами. Сейчас в этих краях наконец-то появилась сносная дорога, но старое кладбище постепенно зарастает лесом, т.к. уже некого хоронить в опустевшем селении; заезжающие на выходные московские и петербургские дачники могут поговорить о судьбах русской интеллигенции и трагедии России.

Дискуссии по поводу духовных и культурных оснований эволюции современного российского общества и ее перспективах напоминают своей семантической структурой описанную выше историю о попытке сохранить приверженность «колее истории» в изменившихся реалиях и о рисках при реализации подобного выбора. Русская революция и связанные с ней события проложили глубокую «историческую колею». Попытка модернизации последней в период бюрократической распутицы позднего социализма привела не к «храму», а к гуманитарной катастрофе. Сейчас мы вновь на распутье — какую «колею» выбрать. Или же выбор уже сделан? А может быть, следует обозначить новую траекторию в способах описания прошлого?

По-видимому, связь настоящего и прошлого пути развития, эффективность принятых на этой основе решений не

есть результат «руки прошлого», которую можно описать как некую константу — «ментальную матрицу». Они в существенной мере зависят от культурного выбора политических и интеллектуальных элит в настоящем. Важнее не констатация некой предопределенности «русского пути» с оценкой «плюс» или «минус», а внимание к нереализованным возможностям в свое время выбранного пути для создания институциональных моделей устойчивого развития в настоящем и будущем.

В этом отношении мне близки взгляды сторонников видения исторического процесса с позиции «зависимости от выбранного пути» (*path dependence*). Здесь прошлое не предрекает будущее, поскольку «зависимое от пройденного пути направление развития уже определено» (Д. Норт), а рассматривается как своего рода мобильная память для описания процессов в настоящем. Я не питаю иллюзий, что теоретические описания политической философии и социологии смогут стать источником мотивации для принятия политических решений политическими элитами здесь и сейчас. Однако новые подходы к артикуляции культурно-исторического плана эволюции российского общества позволяют раздвинуть рамки телеологии политтехнологов и догматики идеологических консультантов. Кроме того, именно подобного рода рефлексия позволяет наработать семантический потенциал для решения политических задач, адекватных процессу обозначения «новой исторической колеи».

Преодоление проклятия «русской матрицы» или ее политической инверсии — «русской власти» — предполагает осмысление сложившейся «колеи» в способах описания предпосылок социокультурной эволюции. Не следует забывать, что социальный порядок «образуется тогда, когда кто-то запускает время, запускает действие, делает предложение или самопрезентацию и тем самым ставит других перед необходимостью реагировать» (Н. Луман). В современном обществе такими акторами чаще всего выступают социальные науки и политическая наука в частности. Семантический потенциал концепта «политическая культура» в значительной мере предопределяет, структурирует наши ожидания будущего в жизненно важной сфере — политике, где происходит достижение коллективно значимых целей.

Резонным в связи с этим представляется вопрос о том, имеем ли мы дело с проклятием «русской матрицы», предопределяющим правила политической игры, или же с проклятием способов описания и обоснования реалий культурной и политической эволюции, тяготеющих к теологической или идеологической эсхатологии. Изменился мир, изменились способы хранения и доступа к знанию, а способы наблюдения и описания общества в значительном сегменте отечественной культурфилософии и культурологии не претерпели существенных изменений. В основе все тот же способ описания изменений и возникших различий с позиций некоего «интеллигентного», морализирующего наблюдателя, стремящегося отыскать «духовные основания» социального и политического кризиса или же, наоборот, представить подобные основания в качестве источника для грядущего «возрождения».

Но русская и советская интеллигенция, обозначившая, часто ценой своей жизни, «колею истории», которая видела в своем народе участника «оптимистической трагедии», или те, кто номинирует себя как «креативный класс», исчезли. Представители последнего, апеллируя к демократическим ценностям, призванным спасти Россию от проклятия «русской матрицы», весьма специфически сочетают элементы «покорности» в рамках своей общности, публичного трикстерства и претензии на новую сакральность, мифологию «страдающего креативного класса» и «маршей несогласных». Увы, это весьма далеко от поисков и рефлексии русских интеллигентов.

Коммуникативная действительность современного мира существенно изменилась и не укладывается в традиционные способы легитимации социального порядка. Н. Луман подчеркивал, что ценностные обоснования в условиях выдвижения на первый план «символического медиума культуры» и соответствующих ему структур социальной памяти напоминают воздушные шары, которые наполняют воздухом по случаю праздников. Проблема видится в том, что ценностные обоснования в современном обществе (хотим мы это признать или нет) реализуются через идеологию и публичную риторику, где идеология нередко «совершает великие преступления, а аргументация —

мелкое жульничество». Идеологические ориентации и, в частности, обращение к проблематике «русской матрицы» сигнализируют нам о проблемах в политических коммуникациях, но истинный смысл происходящих событий остается за рамками дискуссий по поводу ценностей. «Сильная программа» (*strong program*) исследований и описания роли культурных феноменов в современном обществе должна опираться на анализ символических структур сетей смыслов, в отличие от «слабых программ», где описания ценностей, норм, идеологий производны от институционального строя или редуцируются к частным социально-психологическим феноменам. «Русской матрицы» как некой константы не существует; можно говорить, как отмечалось выше, о форме социальной мобильной памяти (культуре), позволяющей осмысливать прошлое из настоящего в целях поиска моделей институционального строительства в будущем.

В свое время Жан-Поль Сартр, размышляя об основаниях человеческого выбора в секулярном обществе, заметил, что у человека Нового времени в душе «дыра размером с Бога», которую «каждый заполняет, как может». Исчезновение Советского Союза с политической карты мира привело к разрушению пантеона «социалистических богов» и появлению новых государств. Некоторые из них смогли сконструировать национальную идентичность и совершить политический выбор. В то же время расширение горизонтов индивидуального выбора у граждан Российской Федерации не привело к становлению культуры «экзистенциального гуманизма» или новой политической идентичности, не повысило уровень гражданской ответственности индивидов и легитимность новых политических элит.

Возникшая после идеологической деконструкции советской политической культуры «семантическая дыра» размером с «советское», хотя и заполнилась множеством идеологических описаний существующего социального порядка, остается источником сбоев, конфликтов в политических коммуникациях современной России. Проблемы, связанные с демократической эволюцией российского общества, в значительной степени обусловлены процессом радикальной идеологической делегитимации паттернов советской культуры, отсутствием баланса в политико-

культурных практиках легитимации и делегитимации политического порядка. Применительно к России это означает блокирование процесса эволюционного конструирования образцов настоящего из недавнего прошлого и разрушительный, полный рисков произвол символической политики интеллектуальных и политических элит.

При доминировании нынешних ценностно-идеологических контекстов, связанных с поиском «русской идеи» и «матрицы», коммуникативные сбои в политическом процессе современной России в значительной степени предопределены семантической бедностью способов типизации политических событий недавнего советского прошлого. Ослабив идеологическую насыщенность и несколько перефразировав одно

из высказываний публициста Дмитрия Быкова, можно согласиться, что для российских граждан Советский Союз — не только «зона и дыра», а дыра, через которую они могут попытаться увидеть будущее. Проблема не в «ностальгии по советскому» или желании политической реставрации институтов. Дело в семантической пустоте «размером с советское» в рамках конструирования событийных рядов политических ожиданий граждан из «настоящего» в «прошлое» и «будущее». Это и порождает радикальную и конъюнктурную идеологизацию архаических схем исторической траектории современной России — «русскую матрицу», которая превращает элиту и граждан в манкуртов и заложников теологических и этнонационалистических дискурсов прошлого.

АЛЕЙНИКОВ Андрей Викторович —

д. филос. н., доцент кафедры конфликтологии СПбГУ
av-aleynikov@yandex.ru

КВАДРАТУРА КРУГА

Корпус опубликованных только в последнее десятилетие научных работ по проблеме судеб России значителен, разнообразие оценок российского политического развития и его перспектив многомерно. Рефлексия поиска искомой сущности России предельно конфликтна и сегодня, и в прошлые века. Жанр круглого стола освобождает от некоторых академических канонов и позволяет начать, как и положено в России, с Карла Маркса. «Неодолимое влияние России заставляло Европу врасплох в различные эпохи, оно пугало народы Запада, ему покорялись как року или оказывали лишь судорожное сопротивление. Но чарам, исходящим от России, сопутствует скептическое отношение к ней, которое постоянно вновь оживает, преследует ее, как тень, усиливается вместе с ее ростом, примешивает резкие иронические голоса к стонам погибающих народов и издевается над самим ее величием, как над театральной позой, принятой, чтобы поразить и обмануть зрителей... С начала XVIII столетия и до наших дней

ни один из авторов, собиравшийся ли он превозносить Россию или хулить ее, не считал возможным обойтись без того, чтобы сначала доказать само ее существование». Может ли полемика с блестящим по форме текстом Андрея Анатольевича Пелипенко быть полезной в содержательном плане? И да, и нет. «Русская матрица» — изысканный интеллектуальный прикол, «насмешка горькая обманутого сына над промотавшимся отцом», берущие начало в бессмертной формуле порочного исследователяского круга Федора Тютчева: «умом Россию не понять, аршином общим не измерить...». Черчилль из этого круга попытался выбраться: да, Россия «это загадка, завернутая в тайну и помещенная внутрь головоломки; но, возможно, есть ключ. Этот ключ — русский национальный интерес». Для А.А. Пелипенко ключ — в смене повестки дня, «устава судьбы» (по Карамзину), в радикальном «разводе» европейской и азиатской сторон расколотого общества. Наивный текст с точки зрения современной политической теории? Фантазии, иллюзии, хлесткая формула,

не имеющая отношения к политической практике? Приговор, не оставляющий шанса, поскольку ясна его утопичность, вернее, антиутопичность? Но я бы не спешил с ярлыками. В своем ригоризме автор не одинок.

В «Философии истории» Гегель разделял народы на «всемирно-исторические» и неисторические. Предназначение первых — воплощение смысла истории. Реализовав свою историческую цель, этот народ сходит с исторической арены, уступая место другим. Неисторические народы находятся на периферии мировой истории или вне нее. По Гегелю, Россию история обошла стороной. По Марксу (см. ч. 4 «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»), всеобщий характер российской системы, ее общее правило заключается в сочетании политического искусства монгольского раба с гордым стремлением монгольского властелина вторгаться, используя обманным путем враждебную силу. Это сочетание как господствующей, так и пораженной расы.

Позволим себе несколько отвлечься от заявленной темы, обозначив один сюжет в сфере развития российского социогуманитарного знания. Итак, президент на Валдайском форуме говорит: «Сегодня Россия испытывает не только объективное давление глобализации на свою национальную идентичность, но и последствия национальных катастроф XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности. В результате получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности. Именно в этом многие корни острых проблем, с которыми мы сталкиваемся... Отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала свое будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались... Мы также понимаем, что идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии. Такая конструкция неустойчива и очень уязвима... Как политически, идейно, концептуально будет оформлена

идеология национального развития — предмет для широких дискуссий».

И в это же время администраторы от просвещения обнуляют значимость публикаций гуманитариев на русском языке и в российских журналах (оставим в стороне вопрос об их квалификации — с этим беда, и с этим надо работать). Вхождение в рейтинги и повышение индекса цитируемости в зарубежных наукометрических базах — вещь тактически полезная. Но вот представить себе широкую дискуссию о национальной идеологии России на страницах зарубежных изданий просто невозможно. И дело, повторю, не только в качестве материалов — известны жесткие барьеры «входа», которые отсекают до 90% всех присланных рукописей (не только из России). Аппарат рецензирования построен не на цензуре, а на невяном контроле публикаций в рамках мейнстримной или иной школы, идеологической государственной ортодоксии, сфокусированности на общепризнанных в западной науке концептах (и о России в целом, и о «путинской системе» в частности). Сошлемся на блестящего и неангажированного Симона Кордонского: «Феномены нашей жизни имеют мало общего с тем, чему следует быть, если исходить из общепринятых теоретических схем... Вместо исследований тиражируется бездумное применение импортированных теорий, предполагающее, в точном соответствии с прогрессистскими стереотипами, что Россия — такая же страна, как и те, в которых методики созданы. Однако апологеты импортных теорий, презентуя результаты своих исследований, вынуждены, если честны, признавать, что исследованный ими феномен совсем не такой, каким они себе его априори представляли, или не существует вовсе». Поэтому вектор развития социогуманитарного знания (речь идет только о данном контексте) является классическим и клиническим случаем манипулирования. Более того, односторонний и несбалансированный перенос обсуждения российской проблематики на западные площадки ломает внутреннюю легитимацию режима, о которой вроде бы пекутся эксперты-«инициативники».

Многим это кажется настолько нелогичным и необъяснимым, что в ход идут различные конспирологические версии и гипотезы «борьбы кремлевских башен». И если с помощью такого выключения

российских гуманитариев из обсуждения проблем развития страны предлагается обсуждать поставленные президентом проблемы (а они сами далеко не бесспорны, но, по крайней мере, задают некий общий импульс, некое желание общего политического действия), то Владимиру Владимировичу впору, вслед за Марксом, воскликнуть: «Если это марксизм, то я не марксист».

Но вернемся к проблематике «русской матрицы». Я склонен согласиться с методологическими ресурсами подхода, высказываемого академиком Ю. Пивоваровым. Необходимо «перестать рассматривать русский исторический путь девиантным. Во всех смыслах, в том числе выбросить из головы всякие там “запаздывающие модернизации”. Иными словами, что есть, то есть...» И далее Юрий Сергеевич убедительно показывает, что именно этот тип социального действия надо признать нормативно русским. «Мы должны перестать фантазировать о возможности какого-то иного по существу общества на Руси. Однако в рамках “нормативности фактического” постараться сделать упор не на отрицательные, разрушительные его “энтелехии”, а на позитивные, созидательные. Кстати, необходимо обнаружить их, определить. Постараться выбрать такой социальный маневр и обхождение, с помощью которых традиционно русская ментальность повернется к устройению жизни (какой-никакой, бедной, скромной... далее — по Тютчеву), но не к потрясению ее зыбких — в нашем, повторю, случае — основ». В рамках данной методологической гипотезы находит разрешение дилемма: Россия — это не отсталый Запад и не передовой Восток. Российские трансформации, российское общество, государство не девиантны, они нормативны.

Андрей Анатольевич Пелипенко считает, что «в практическом аспекте проблема принимает вид дихотомии: либо изжить “русскую матрицу”, либо, спиваясь, вымирать». Радикальное «снятие» бердяевской антиномичности! («Подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость».) Приемлемо ли оно для российского общества, где многое сконструировано или на разрывах, или на компенсаторной активизации традиционных механизмов и связей? Обретается ли тем самым новая

консолидация, новое единство «политического народа»? Или же, напротив, неканализированные конфликты выйдут за рамки предсказуемого и регулируемого поведения, сопряженного с минимальными возможными издержками, и приобретут ту высшую степень интенсивности противоречий и несогласия, которую Шмитт определял как «друг/враг»?

Используя теорию конфликта для анализа истории Германии, Ральф Дарендорф (1965 г.) определял характеристики немецкого общества, служившие препятствием для создания демократического порядка, и выявлял инструменты и способы, которые могли бы способствовать изменениям. Проблемы демократизации связаны именно с отсутствием такого политико-социального континуума, при котором конфликты не регулируются рационально — якобы решаются, а на деле подавляются. Среди причин «структурной неспособности» Германии к демократии Дарендорф особо выделял модернизационный дефицит, выражавшийся в неспособности разрешать конфликты ненасильственным путем, и неспособность элит к конкуренции друг с другом в системе объединяющего разнообразия. Тут важно еще раз подчеркнуть: свободные, современные, открытые общества, допуская конфликты, одновременно создают защиту против токсичных конфликтов, угрожающих всеобщему согласию, сводя к минимуму расхождения, затрагивающие основополагающие ценности.

Как корректно осмыслить и описать привычные социальные практики и представления, способы жизнеобеспечения в гиперконфликтном российском социально-политическом пространстве, избежав при этом, с одной стороны, отвлеченного и бездоказательного рассуждения об «особых» российских традициях, и одновременно осознанно уклонившись от абстрактных рассуждений о «нормальных» вариантах развития «матрицы»?

Заметим, что самые изощренные описания деталей и нюансов механизмов национальной специфичности сконцентрированы в превосходном и тонком замечании Л. Коузера: «...социальные структуры отличаются по степени конфликта, который они могут выдержать».

Полезно взглянуть на эту исследовательскую проблему с точки зрения новой концепции, сформулированной в послед-

них работах нобелевского лауреата Дугласа Норта и его соавторов. Они выдвинули простую, но чрезвычайно плодотворную идею: методологически разделить логику институционального строительства в естественных государствах и в обществах открытого доступа. «Естественное государство — это особый способ структуризации политической и экономической систем, так что экономические ренты, создаваемые благодаря ограниченному доступу, служат обеспечению достоверности обязательств среди политически влиятельных групп». Процесс экономического развития есть продвижение от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа. Только 8 стран совершили переход от одного порядка к другому после Второй мировой войны. Выделяются 3 пороговые условия, необходимых для перехода от естественного государства с закрытым доступом (в которых сейчас живет около 85% населения планеты) к системе открытого доступа. Это, во-первых, верховенство закона для элиты; во-вторых, бессрочные формы организаций для элиты (включая само государство) и, в-третьих, политический контроль над насилием. Формирование данных пороговых условий перехода к обществу открытого доступа во Франции, Британии и США происходило в течение примерно 50 лет.

Государства могут прогрессировать, стагнировать или регрессировать десятилетиями или даже столетиями. Соавтор Норта Барри Вайнгаст приводит Россию в качестве примера регрессии по мере того, как она национализирует, контролирует или ставит вне закона «независимые организации», «превращая зрелое государство естественного права со многими независимыми от государства организациями в обычное государство естественного права, в котором для выживания организаций требуется их тесная связь с государством».

Рассмотрим ситуацию в сегодняшней России с точки зрения одного из указанных пороговых условий. Рассуждая о жизненных стратегиях российской псевдоэлиты, ориентированной на Запад, А.М. Пятигорский и О.М. Алексеев убедительно показывают, что «это не конфликты политических концепций или точек зрения (и не конфликты экономических интересов), а конфликты противополож-

ных интенциональностей политической рефлексии». В сенсационном интервью, вскоре после которого он покинул свой пост, председатель Центрального банка России Сергей Игнатьев утверждает, что только в 2012 г. из России на зарубежные счета было незаконно переведено 49 млрд долл., что составляет 2,5% ВВП. При этом он заявил, что это может быть «оплата поставок наркотиков, серого импорта, взятки и откаты чиновникам, менеджерам, осуществляющим закупки в крупных частных компаниях, схемы по уклонению от уплаты налогов». Больше половины объема сомнительных операций проводится фирмами, прямо или косвенно связанными друг с другом платежными отношениями, все они контролируются одной хорошо организованной группой лиц. При этом обращения в правоохранительные органы по поводу фиктивных операций в российской экономике неэффективны и не приносят результатов. Капиталы и управляющие компании крупных промышленных предприятий за редким исключением находятся в офшорах. Все 20 богатейших людей России, чье совокупное состояние превышает 227 млрд долл., частично или полностью контролируют свои активы через компании, зарегистрированные за пределами России. Пользуясь емким языком В. Пелевина, наш «консенсус элит» обеспечивается «валовым национальным откатом».

Збигнев Бжезинский как-то остроумно заметил: «...не вижу ни одного случая, в котором Россия могла бы прибегнуть к своему ядерному потенциалу, пока пятьсот миллиардов долларов российской элиты хранится в американских банках. Вы уж определитесь, чья это элита, ваша или уже наша». Действия элиты, следующей своим прагматичным правилам, таким образом, не только расходятся с декларируемыми «патриотическими» нормами, т.е. «правилами системы», но и антагонистически сталкиваются с системными принципами суверенитета. «Заявленные интересы» российской элиты, т.е., по терминологии Ральфа Дарендорфа, высказанные и осознанные ориентации поведения, противостоящие интересам других групп, в открытой форме манифестированы в ходе процесса *Berezovsky vs Abramovich* в Высоком суде Лондона. Вот цитата из показаний крупнейшего российского предпринимателя, владельца футбольного клуба *Chelsea*

и в недавнем прошлом губернатора одного из регионов: «Он [Березовский] назначил себя политическим лидером крупного бизнеса. Мы все ему в этом помогали, все на это работали... Я платил десятки миллионов долларов. Платили многие, но в основном я: он был волнорезом. Он все проблемы снимал. Именно за это мы ему и платили».

Еще раз вернемся к Гегелю – в России «свободны некоторые». Но «развитие есть тяжелая недобровольная работа, направленная против самого себя!» Суть ухода от «критической остроты неизбывной расколлотости общества на европейскую и азиатскую части» кроется в идее обретения Россией более высокого порядка свободы. Михаил Васильевич Ильин убедительно и красиво писал о трех ликах свободы (отсылка к его книге «Слова и смыслы»).

Антиномия русского пути, описываемая Пелипенко, относится к проблеме «срединной культуры», суть которой уло-

вил А.П. Чехов: «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-либо одну из этих крайностей, середина же между ними ему неинтересна, и она обыкновенно не значит ничего или очень мало». Кроме того, этот проект решения непростых социальных, экономических, национальных проблем – классический пример, с одной стороны, «наслаждения самим блеском оппозиционного положения» (Чичерин), а с другой – некий радикализованный манифест, обращенный к власти, нынешней или будущей, с призывом обеспечить «развод» с «азиатами». А в качестве вывода уместно и полезно вспомнить М.М. Сперанского: «Россия, разделенная в видах разных состояний, истощает силы свои взаимной борьбой их и оставляет на стороне правительства всю неограниченность действия».

БАБИНЦЕВ Валентин Павлович –

*д.филос.н., профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета
babintsev@bsu.edu.ru*

О ПРОКЛЯТИИ «РУССКОЙ МАТРИЦЫ»

Триумфальное шествие ультралиберализма в России в 90-е гг. прошлого века сопровождалось распространением эйфории от происходящего в стане профессиональной интеллигенции (под профессиональной интеллигенцией я имею в виду людей, которые заняты преимущественно интеллектуальным трудом, не имея при этом природной склонности и любви к своему занятию, равно как и любви к своему Отечеству). Но это сладостное ощущение испарилось тогда, когда, казалось бы, оставалось лишь пожинать плоды абсолютного триумфа. Победа ультралиберализма, судя по реакции его представителей, оказалась не совсем тем, о чем мечтали его российские адепты. Желаемый квазиинтеллектуальный комфорт не был достигнут, но ограничиться воспоминаниями о недавнем боевом прошлом они, очевидно, не желают.

Относительно незначительная, сохра-

нившая активность часть либералов попыталась выйти на Болотную площадь, чтобы превратить революцию в перманентный процесс. Другая, не готовая и не способная к активным практикам, предалась самоудовлетворению в традиционной для нее форме гиперрефлексирования, как обычно, сделав его объектом российскую (в основе своей русскую, православно-христианскую) историю и культуру. И если для большинства людей, не относящихся к профессиональной интеллигенции, рефлексия служит способом познания и самопознания, то для представителей этой когорты она является технологией повышения уровня адреналина в собственной крови на основе «конструирования ужасов».

Одной из таких конструкций и является статья А.А. Пелипенко «Проклятие “русской матрицы”», претендующая на открытие некоего универсального основания русской истории, объясняющего

если не все, то большинство негативных процессов в нашем далеком и близком прошлом антиисторичностью, антиличностностью и антиантропностью русской культуры.

Было бы самым простым и однозначно неверным решением отнестись к позиции автора как к очередной провокации, тем более что, как и множество других презентаций рефлексующих либералов, статья содержит политический (точнее, геополитический) подтекст, довольно однозначно указывающий на мотивированную (культурно и цивилизационно) целесообразность расчленения России и неизбежность геополитического переформатирования России. Но, во-первых, речь в публикации идет о довольно серьезных вещах, которые не могут не интересовать мыслящих людей. Во-вторых, высказанная позиция не является исключением и, скорее всего, еще не раз будет в той или иной мере воспроизводиться не только в публицистике, но и в научной литературе. В-третьих, нельзя не отдать должное способу презентации материала автором, который, хотя бы формально, весьма убедителен в своих отдельных рассуждениях.

Более того, даже с позиции изначального неприятия тезисов А.А. Пелипенко, которую скорее всего займут отечественные патриоты, нельзя отрицать возможность и даже необходимость обсуждения проблемы наличия в русской истории некоторых констант, не только определявших ее ход, но и оказывающих реальное воздействие на настоящее. Угодно назвать эти константы матрицей? В принципе не возражаю. Как не возражаю и против того, что многие данные автором характеристики отечественной культуры и цивилизации наличествовали в прошлом, существуют и сегодня и требуют анализа.

Проблема в другом: как трактовать эти константы, в чем усматривать их происхождение. Я отнюдь не отношусь к числу противников концепции ментальности, точку зрения которых не принимает А.А. Пелипенко. Но русская ментальность, на мой взгляд, имеет весьма существенную особенность, которая не делает ее исключительной (упаси боже!), поскольку особенными являются ментальности любых этносов. В то же время эта особенность выражается в противоречивости, в склонности к крайностям, как подчеркивал в свое время еще А. Гулыга. Скорее всего,

это и есть доминантная черта национального русского характера.

Противоречивость, разорванность русской культуры и ментальности всегда выражалась настолько отчетливо и масштабно, что практически не вмещалась в картины мира внешних наблюдателей, порождая мифы о загадочной русской душе. При этом противоречивость давала недоброжелателям мощное оружие в идеологической экспансии против России. Они всегда могли акцентировать внимание на комплексе негативных характеристик русского бытия, выстраивая его образы в соответствии с религиозными, политическими и даже эстетическими установками, что, собственно, и делает сегодня А.А. Пелипенко. И фактически невозможно упрекнуть его в подтасовках и мистификациях, ибо все было и есть: и антиисторичность, и антиличностность, и антиантропность. Но было и другое — попытки выйти из круга исторических мифов, воплотившиеся, в частности, в формировании высочайшей по уровню профессионализма отечественной исторической школы; формирование имиджа порядочного человека («честь имею» — в среде дворянства; «уговор дороже денег» — среди предпринимателей и купечества).

Противоречивость паттернов мышления и поведения русских людей, если быть хотя бы относительно беспристрастным, делает пустыми и безнадежными споры о том, что являлось доминантой русской ментальности. В ее контексте любое утверждение парируется контраргументом, что довольно легко сделать и в отношении тезисов А.А. Пелипенко. Скажем, он пытается убедить в том, что в русской культуре нет личностей, но есть только персоны. Но как объяснить в таком случае мощнейший анархический потенциал отечественной истории? Персона, выступающая в трактовке А.А. Пелипенко лишь транслятором мистических сил, не готова и не способна отчаянно биться за свободу, понимая ее при этом как волю, т.е. как неприятие любых ограничений.

Представляется, что абсолютизация любых констант применительно к русской культурно-цивилизационной общности трансформируется в миф. Реальной остается один лишь факт извечной и трагической борьбы противоположностей.

Противоречивость действительно довольно негативно сказывалась на мно-

гих аспектах общественной жизни, т.к. требовала огромных ресурсных (личностных и общественных) затрат на разрешение возникающих на этой почве конфликтов. А поскольку общество в силу различных внешних и внутренних причин практически всегда испытывало их дефицит, естественная установка на соединение противоположностей реализовывалась крайне непоследовательно. Для большинства населения она сводилась не к интеграции, но к компилятивности — механическому соединению элементов мировоззрения, повседневного бытия, отношения к окружающим. При этом соединение, казалось бы, несоединимого не вызывало затруднений, но вело лишь к изменению поведенческого образа, которое считалось вполне естественным. М. Горький довольно точно подметил: «Оригинальнейшая черта русского человека — в каждый конкретный данный момент он искренен»¹.

Искренность отражает удивительную гибкость ценностного мира русского человека, логически следующую из идеи возможности и необходимости соединения несоединимого. Ее влияние прослеживается в сознании наших соотечественников и сегодня, пожалуй, наиболее ярко выражаясь в крайне популярных лозунгах о стремлении к добру и справедливости, с одной стороны, и всеобщем распространении неуважения к конкретной личности и особенно к праву и собственности — с другой.

В среде интеллектуальной элиты данная ментальная установка действительно проявлялась как стремление к интеграции, которым отмечена вся история философской мысли в России, возможно, нашедшая наиболее полное воплощение в философии всеединства Вл.С. Соловьева, который, впрочем, существенно «откорректировал» его заимствованием иудейской идеи избранничества.

Сегодня, как представляется, возможны две позиции в отношении констант русской ментальности. Одна из них связана с выделением в них отдельных фрагментов и построении одномерных интерпретаций прошлого, настоящего и будущего, что, собственно, и делает А.А. Пелипенко.

По такому принципу выстраивается большинство идеологически ангажированных концепций (от коммунистических до националистических). Другая позиция предполагает попытку возвратиться к просматривающейся на протяжении всей отечественной истории линии на интеграцию социальности, как представляется, не до конца оцененной нами. И речь идет не только о философских исканиях Вл.С. Соловьева, но и о тех импульсах, которые порождала сама народная среда. В ней возник особый тип мечтателя из народа, самобытного конструктора социальной реальности, ее интегратора. В. Шукшин в свое время представил его в качестве одного из типов своих чудиков. И не случайно этот образ не воспринимается сторонниками одномерного прочтения русской культуры.

Очевидно, в контексте отечественной ментальности заслуживает особого внимания позиция российского государства. Объективно именно оно должно было стать интегратором общества, снимая противоречия, порождаемые русской ментальностью. Но, на мой взгляд, трагедия России в том, что подобную роль государство играло лишь в относительно короткие периоды истории, обычно прерывавшиеся войнами, революциями или бунтами. Следует понять, почему государство в России не стало действенным медиатором социальной среды, однако данную проблему А.А. Пелипенко изначально исключает из предмета обсуждения. Остается весьма сомнительная позиция, в соответствии с которой ментальные особенности не подлежат социальной коррекции.

Представляется, что автор отказывается обсуждать этот вопрос не случайно. Государство в России утрачивало свою роль компенсатора и посредника тогда, когда кооперировалось с олигархией. Олигархически ориентированное государство подменяет реальный процесс управления его имитацией, а собственную неспособность решать конструктивные задачи оправдывает (через своих трубадуров, в роли которых выступают современные ультралибералы) продуцированием исторических «ужасиков», которые должны показать русским людям их изначальную неполноценность.

¹ Горький М. 1990. *Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917 – 1918 гг.)*. М.: Интерконтакт. С. 142.

ГУСЕВ Владимир Владимирович –

*к.э.н., доцент кафедры антикризисного управления Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС
vladgus2006@yandex.ru*

«РУССКАЯ МАТРИЦА» И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ: ГЕНЕЗИС И АНТАГОНИЗМЫ

Текст А. Пелипенко заслуживает безусловного внимания по двум причинам. На наш взгляд, он продолжает две занимательные линии в мировом дискурсе. Первая – огромные просторы России и наличие больших материальных богатств на этих просторах провоцируют международное сообщество на вбрасывание в мировой дискурс идеи о том, что российский народ, 80% населения которого составляют русские, не может должным образом распоряжаться свалившимся на него нефтяным и газовым (а также металлургическим, угольным, энергетическим, водным и пр.) счастьем. Ему надо в этом помочь (провести реформы, помочь «прихватизировать» собственность, «освоить» месторождения, прийти к власти демократически настроенным (на западный манер) лидерам, а еще лучше – оттяпать часть территории, подвести ее под юрисдикцию мирового сообщества во главе с США). Вторая линия – часть нашего истеблишмента, «креативный класс», интеллектуальная и политическая элита, идеологи реформ 1990-х, олигархи, часть чиновников всех мастей, журналисты поддерживают и время от времени вбрасывают в массы тезисы о том, что народ-де у нас плоховат, диковат, пьющ, малообразован, ленив, немобилен и нуждается во внешнем управлении со стороны прогрессивного мирового сообщества. Статья А.А. Пелипенко продолжает подобную тенденцию, ставя провокационные с исторической и идеологической точки зрения вопросы и пытаясь ответить на них.

Первый тезис, достойный критики, – антиисторическое и архаичное сознание народа. Однако начиная еще с Ивана Грозного, продолжая через политику Петра I или Александра I, Россия прямо или опосредованно влияла практически на все ключевые решения, принимаемые на европейском пространстве, а затем и в мировой политике. Апогея это влияние

достигло во времена СССР. Ситуация, подобная ливийской или нынешней сирийской, во времена Сталина, Хрущева или Брежнева была бы просто невозможной. Население СССР не было богатым, но и не было бедным, положительные черты в нем культивировались, инстинкты и национализм гасились государственной машиной, а многие вещи были столь очевидны (бесплатное жилье, образование, медицина, полная занятость, социальный пакет и т.д.), что стали восприниматься как должное. В этом также кроется одна из причин распада СССР (все думали, что рынок принесет богатство, а он принес нищету и безработицу).

Второй тезис, который можно подвергнуть сомнению, что «русская матрица» антиличностна. На наш взгляд, следует вспомнить тезис маржинализма: «богатство государства есть сумма богатства его членов» и применить его к «русской матрице». Если сильно и значимо государство, значит, сильны и значимы люди, которые его населяют. Иное дело, что наши реалии прямо противоположны, и это тоже историческая традиция: «государство богатело – народ хирел» (В. Ключевский). Богатое российское государство не означает богатый российский народ, в подобных условиях личность удобнее подавлять. Личностное начало в российском обществе и в настоящее время методично подавляется в силу многих причин, одна из которых – личностями трудно управлять, им надо многое объяснять, с ними надо считаться и договариваться. Поэтому личностями себя в настоящее время считает наша элита, отсюда их субъективное представление о себе как о полутрансцендентных сущностях, этаких Гераклах политической жизни и экономики. Тезис о народе как о быдле удобен очень многим. Проблема в том, что это порождает отчуждение не власти от народа, а народа

от власти. Власть от народа и так далека, хотя пытается приблизиться, когда ей это необходимо (например, во время выборов). Отчуждение народа от власти означает в лучшем случае апатию, саботаж, неприятие властных инициатив, в худшем — люди пускаются во все тяжкие, руководствуются инстинктами и тянутся к стакану. В результате власть получает такое общество (не из личностей), с которым ни одну значимую задачу — будь то индустриализация, модернизация, демографическая проблема, освоение отдаленных территорий и т.д. — не решишь, я уже не говорю о возможных военных конфликтах: по словам С. Кара-Мурзы, «кого будем защищать»?

Нет «неизбывной расколотости» (А.А. Пелипенко) общества на европейскую и азиатскую части — есть скорее расколотость общества на «элиту» и всех остальных. У азиатской и кавказской части российского общества — якутов, бурят, калмыков, чеченцев, дагестанцев, ингушей — внутренняя расколотость между элитой и обычными гражданами часто еще выше, чем в чисто русских регионах. Может быть, здесь также есть влияние «русской матрицы», ведь эти народы и этносы также вовлечены в русскую орбиту влияния.

Для политической и экономической элиты России также характерны две тенденции. Первая: войдя в элиту, человек обычно забывает тот социальный слой, откуда он вышел, меняет круг своего общения, начинает вести себя соответствующим образом, «куражиться», сорить деньгами, покупать статусные автомобили, дорогую недвижимость, ювелирные украшения в несоизмеримых с разумными потребностями количествах. Вторая черта, характерная для элиты (особенно для

бизнесменов), — ее антинациональный характер (не принадлежать к обществу, но наживаться на нем). Многие стремятся интегрироваться в западное общество, тратят свои деньги в европейских странах и США, покупают недвижимость, спортивные клубы, вывозят за рубеж семьи, дают детям образование в ведущих университетах мира, с тем чтобы дети сюда не возвращались. Все это негативно сказывается на отношениях власти и народа и создает определенную напряженность между руководством страны и крупным бизнесом. Разумеется, в подобных условиях невозможно говорить о единстве нации, государства, общества. Наоборот, все швы государственной и политической системы, скрепленные царским и советским прошлым, начинают расползаться.

Отсюда закономерный вопрос — чего добивается наша элита? Опыт Петербургского саммита G-20 показывает, что полноценно интегрироваться в западное общество вряд ли получится, остается лишь «слушать» и «слышать» (о понимании в данном случае речь не идет). В то же время российский народ сильно устал от проводимой внутренней политики, отсутствия социальных лифтов, партийных скандалов, от ЕГЭ, неравенства перед законом и бесконечных псевдореформ. Здесь мы с автором полностью согласны — надо «прекратить осточертевшие разговоры о реформах», проводить их тихо, без раздражающей помпы. И главное, внутреннее содержание этих реформ должно быть иным, они должны быть народны, а не антинародны. Иначе нас действительно ждет русский раскол, а еще точнее — русский бунт, который выскочит из русской матрешки при неизбежном ослаблении (в силу неизбежности истории) политического режима.

СИМУШ Пётр Иосифович –

д. филос. н., профессор ИФ РАН

iph@iph.ras.ru

ВСЕ-ТАКИ ЧТО ТАКОЕ МАТРИЦА?

Предлагая определение «матрицы» как совокупности социальных форм бытия, автор акцентирует внимание на совместности и индивидуальности жизни людей, на ее сохранении и обновлении. Знание о матричном комплексе в его координатах времени и пространства – это важное условие ориентации человека и личности гражданина в хаотичном мире.

Со страниц всемирной истории в XX в. не уходил вопрос: *Finis Russia?* Жизнь и судьба великой страны дает ответ: «Нет конца России, ее история пишет новые и новые страницы». В небытие ушла царская империя и Советский Союз, однако в минувшем созрела идея Российской Федерации, она стала новой исторической реальностью. Россия не может умереть, поскольку жив ее многонациональный народ, живущий на своей земле и говорящий на русском языке. Постсоветская Россия – это огромное «тело», ее население обладает креативной душой и поликонфессиональным духом. Страна пережила потерю бакинской нефти и культурных очагов Украины, Прибалтики, Грузии, Армении и Средней Азии. Она, разумеется, обеднела, но лишь потенциально, потому что та бедность, которую создал для народа плутократический режим, уйдет в прошлое. В конце концов, природная рента должна перейти в руки всех россиян, а не 1% населения.

Нужно заметить, что российские координаты «здесь» и «теперь» зависят от их восприятия народом, от адекватного понимания им своей материально-духовной матрицы. Восприятие, разумеется, не беспристрастно, оно бесконечно многообразно, но оно осуществляется из какого-то таинственного центра. Одни называют это Богом или Всевышним; я же, примыкая к ним, склонен употреблять понятие «центр управления ноосферой». Наше мировоззрение является, так сказать, взглядом на мир с некоторой точки зрения, согласно которой «здесь» может рассматриваться как место

России в пространстве и во времени глобальных перспектив. Теперь проясним, что подразумевается под термином «русская матрица». Его трактовка дана в книге Сергея Кара-Мурзы «Русская матрица: будет ли перезагрузка?»¹ Автор, однако, обошелся без определения главного понятия своего анализа. С этим же недостатком мы встречаемся и в статье А.А. Пелипенко, негативный пафос которой доведен даже до проклятия в адрес «русской матрицы».

Сразу же зададимся вопросом, уместно ли высказанное проклятие «здесь» и «сейчас»? В конце концов, либеральное сознание питалось и питается абсолютизацией свободы. Если вдохновиться кантовским духом при рассмотрении теперешней России, где господствует олигархия и бюрократия, то станет ясно, что это господство скорее мешает новой организации российского организма. Нечего и говорить о том, что господствующему режиму практически до последнего времени был совершенно чужд патриотизм. Но именно патриотическое сознание россиян, не нацеленное на бегство семьи и капиталов на Запад, способно сейчас развивать русско-российскую матрицу, состоящую из трех частей: гражданственности, государственности и духовности. Однако, к великому сожалению, наше государство точнее характеризуется местоимением «они», а не конституционно требуемым «мы». Если бы Россия была государством-нацией, как США, Франция, Англия, Германия, то ответ на вопрос о матрице был бы сравнительно прост и не столь для нее драматичен. Но дело весьма осложняется тем, что РФ – не национальное государство, не «русская матрица», а многонациональная и поликонфессиональная империя. Ее господствующему классу позволено присваивать почти всю природную ренту,

¹ Кара-Мурза С. 2012. *Русская матрица: будет ли перезагрузка?* – М.: Алгоритм.

существенная часть которой покидает пределы Отечества.

В народном мироощущении различаются материнское и отцовское сознания. Материнство, родина связаны с родной землей, языком, со сказками и песнями, отражают могущественную жизнь бессознательного¹. Что касается отцовства и отечества, то это начало вызывает долг и право; оно связано, по мнению Г.П. Федотова, «с сословно-государственной, сознательной жизнью». Два указанных матричных сознания можно рассматривать как «главную лабораторию жизни», что смог разглядеть и оценить в 1920-е гг. знаменитый экономист Кейнс. Советская форма матрицы действительно материализовала мир вещей и отношений в условиях социализма. Но идеологическая изоляция Советского Союза от капиталистического мира способствовала, возможно, усугублению уязвимости социалистической матрицы и отсюда – ускорение ее «кончины». Последняя напоминает жизнь зерна, о которой Иоанн сказал: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн: 12:24). Поэт Владислав Ходасевич прозорливо понял действие «закона зерна». В стихотворении «Путем зерна» (23.12.1917) говорится: «Проходит сеятель по ровным бороздам... И ты, моя страна, и ты, ее народ, Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год...». В 1917 г. свершилась 3-этапная антивоенная революция. Прав великий поэт: «... мудрость нам единая дана: Всему живущему идти путем зерна».

Идея русской матрицы пережила не только тысячелетие России, но и отметила «второе крещение» страны (мысль патриарха Алексея II). Так, на руинах царской России мы построили советское государство, после смерти которого наша страна постепенно приобретает свою былую мощь и силу. Реальность русско-российской матрицы благодаря «созвездию гениев» создает плодотвор-

ную модель сопряжения последнего с благословением. Оправдывается афоризм Иисуса Христа: «...тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Матфей: 7:13-14).

Социальная теория уже созрела для того, чтобы описать не только историю отечественной матрицы, но и ее функционирование на уровне бытия и сознания человеческих индивидов и наций. Именно до них должны дойти призывы к действию в матричной системе.

Идеи материализуются в умах людей, в языке, социальных институтах, в смысле законов и обычаев. Русская матрица – это не просто система самоорганизации общества, это, на мой взгляд, также и определенная система ценностей, традиций, пусть даже стереотипов, которые на протяжении многих столетий культивировались в нашем социуме. Именно в социуме, а не в государстве, потому что, как показывает наша история, за 100 с лишним лет сменился не один режим, ушел в историю не один политический лидер, однако народ по-прежнему остается все тем же. Как и десятки лет назад, в своей речи мы используем те же обороты, те же пословицы и поговорки. Я считаю, именно наш язык, наша речь и лексикон являются основными элементами преемственности поколений.

За словом «матрица» скрываются «тайны в нас» (В. Брюсов), ибо «Я – бог таинственного мира» (Ф. Сологуб) и «мир стал ареной моих личных действий» (А. Блок). Иначе говоря, путь к матрице символичен, матрица есть искомый символ русско-российскости.

В жизни матрицы яснее всего отражается имманентная коллизия двух начал – государственно-общественных интересов и прав личности. Разрешение этой коллизии позволяет надеяться на то, что, в конце концов, в России появится нечто креативное, способное иметь успех в репродукции и ревитализме архаики и традиций, создать основу для построения нормальной российской матрицы. Зачем же заранее посылая в ее адрес проклятия? Пробудившаяся идея национальной российскости взывает к творческому энтузиазму всех россиян.

¹ См.: Федотов Г.П. 1991. *Судьба и грехи России*. В 2 т. СПб.: София. Т. 1. С. 324.

АСОНОВ Николай Васильевич –

д.полит.н., к.и.н., профессор; заместитель заведующего кафедрой политологии и социологии МПГУ
NBASSONOV@yandex.ru

О ВОЗВРАЩЕНИИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЧЕРЕЗ МАТРИЧНУЮ ТЕОРИЮ

Осужденное Ю. Хабермасом как устаревшее и потерявшее смысл учение К. Шмитта о политическом¹ сумело показать свою научную жизнеспособность, благодаря обращению новых российских западников к теме так называемой «русской матрицы». Матричный подход должен раскрыть несостоятельность русского пути и убедить всех сомневающихся в правоте апостолов либерализма. Главное, чтобы человек ощутил свое ничтожество в рамках русской истории и культуры, встав на путь обновления под руководством новых пастырей. Отсутствие у западников научного подхода к анализу «русской матрицы», как и желания вывести ее решение в процессуальную плоскость демократическим путем, говорит о том, что это всего лишь одно из направлений идеологической деятельности той большой команды, которую в истории представляет А.Л. Янов, а в политологии – А.А. Пелипенко. Чтобы понять идейный смысл их трудов, надо проследить истоки матричной теории, с помощью которой покупается доверие не подготовленной к ней аудитории, имеющей низкий культурно-образовательный уровень. Учитывая состояние, в котором оказалась средняя и высшая школа, повод для оптимизма у западников, безусловно, есть. Идеи всеобщего примирителя Верховенского, выведенного Ф.М. Достоевским в «Бесах», продолжают зомбировать сознание титульной нации, принуждая ее еще раз отречься от старого мира и отрясти его прах со своих ног.

Те авторы, которые стояли у истоков теории матриц, первоначально были связаны с разработкой теории модернизации, созданной в середине 50-х гг. XX в. Опорой теории модернизации стало методологическое допущение, признающее универсальный характер развития всех стран.

¹ См.: Хабермас Ю. Что такое политическое. Рациональный смысл сомнительного наследия политической теологии. – *Русский журнал*. Доступ: http://www.Mirovaya_povestka.

Оно позволило поделить их на «ядро» во главе с США, идущее путем так называемой спонтанной модернизации, и «периферию», к которой были отнесены все прочие народы, включая окраину романо-германской цивилизации. Их главной особенностью стала считаться «догоняющая модернизация». Теория технологического детерминизма и созданная в это же время теория индустриального общества также нашли отражение в теории матриц. Когда теория модернизации с конца 60-х гг. начала переживать кризис, было решено ввести для стран «ядра» новое обозначение – Y, соответствующее преобладанию мужского начала. Прочие государства и народы попали в женскую категорию – X, на которую, как на гарем, планировалось распространять мужское начало Запада. В матричной теории заложена идея примирения двух матриц, которое должно формально работать на поддержание социальной стабильности, стать условием их партнерского диалога. На самом деле такая стабильность служила прикрытием «бесшумного оружия», с помощью которого Запад рассчитывал подавить самобытное развитие тех, кого он отнес к X-матричной массе и тем самым заочно приговорил к политической и социально-культурной смерти в интересах нового мирового порядка.

В данной связи мысль А.А. Зиновьева о том, что Запад никогда не допустит нас в свой круг, поскольку ему не нужна великая Россия как политический и культурно-экономический конкурент, способный сместить его с «мирового престола», представляется весьма убедительной. Максимум, на что мы можем рассчитывать, «это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации Запада, причем на тех ролях, какие нам может позволить сам единственный и неповторимый Запад»². Если еще вчера, писал А.С. Панарин, стремясь к победе над

² Зиновьев А.А. 2007. *Запад. Феномен западнизма*. М.: Эксмо. С. 20.

СССР, Запад «обещал миру перспективу единого постиндустриального общества, решающего не только проблему изобилия, но и застарелую классовую проблему», то сегодня им «выдвинута расистская концепция “золотого миллиарда”». Реализуя ее, Запад «реанимировал все прежние инстинкты дикого капитализма и колониализма»¹. Выходя на «инстинкты капитализма», стоит вспомнить, что инклюзивность всегда была характерной чертой политики как ключевой сферы общественных отношений. Это значит, что власть как центральная категория политики в интересах ее носителей проникает во все сферы жизни, желая подчинить их воле господствующей политической силы. Для реализации этой цели она устанавливает свое господство над ресурсами власти – утилитарными, нормативно-правовыми, идеологическими и силовыми. На мегауровне, где борьба за политическую, а значит экономическую и культурно-ценностную гегемонию ведется в масштабах всей планеты, а не ее отдельных регионов, управление ресурсами власти находится у Запада. Но ресурсы власти являются не сокровищем, а капиталом. Они должны работать и приносить своим хозяевам прибыль в виде расширения сферы социально-политического господства за счет подавления противника. Для этого, скажем, на мезоуровне, т.е. в масштабах конкретного государства, создаются условия для перехода власти и ее ресурсов в руки компрадоров, предавших свои национальные интересы и ценности в пользу личной выгоды. Реализуя волю своих политических патронов, они взамен получают право на получение максимальной прибыли в обход интересов своего государства и народа. Отслеживание и рекрутирование таких лиц осуществляется Западом по трем главным направлениям человеческих слабостей: деньги, увлечения, компромат. И говорить о том, что в социальной сфере что-то происходит без участия господствующей политической силы, может только лжец или невежда, уверяющий нас в способности русского народа, подобно гоголевской унтер-офицерской вдове, самого себя высечь, т.е. развратить и умертвить.

В современных условиях, когда политические институты, связывающие русских

с национальным укладом, разрушены либерально-коммунистическими реформаторами и их западными покровителями, остался только один организационный центр – Русская православная церковь. Она и стала, как утверждал в 1997 г. З. Бжезинский, «после разрушения коммунизма главным врагом Америки». О том же пишет Ф. Штаркман, указывая, что теперь традиции ведут к сплочению русских против Америки. Предотвратить эту опасную тенденцию можно, «поощряя плюрализм во всех сферах человеческой жизни», что мы и наблюдаем. А плюрализм навязывается через культ эгоизма, нацеливающего в первую очередь на любовь к себе, а не к Богу, России и своему народу.

И если сегодня В.В. Путин прямо заявляет: «Чтобы Россия была суверенной и сильной, мы должны быть лучше в нравственности...» – то это не может не вызывать раздражение у тех, кто собрался добить русский народ и сделать его национальный дом своим.

Именно желание властвовать в чужом доме заставляло либеральные и коммунистические силы «обнулять время», чтобы принудить русских людей забыть свою великую историю и культуру, а взамен навязать им свои ценности и цели. Тут стоит напомнить, что именно Запад стал первым заложником подобных идеологических экспериментов. Так поступили власти США, отрекшись от Англии, еще раньше подобный трюк проделали просветители, введя понятие «Новое время», чтобы перечеркнуть наследие Средневековья, ради которого пришлось отречься от Античности. В итоге Запад навсегда утратил свое национальное лицо, изменив самому себе.

Вот почему мы не вправе говорить о проклятии «русской матрицы» в отрыве от политической борьбы и ценностно-целевых установок тех, кто планирует с помощью ресурсов власти мегауровня навязать свою волю России, открыв второй этап «холодной войны», направленный на уничтожение «русской Азии». Вот почему нельзя согласиться с выводами либеральных аналитиков, желающих представить дело так, словно в настоящее время политическое потеряло свою актуальность. И прав был Ш. Муфф, выделив в политическом власти как узловую часть политики, а с ней – пространство неизбежных противостояний и неразрешимых

¹ Панарин А.С. 2006. *Правда железного занавеса*. – М., Алгоритм. С. 14, 216–217, 225.

мых противоречий¹. И если мы видим в политике, помимо прочего, необходимый набор практик и соответствующих им институтов, порождаемых постоянными колебаниями политического, то почему мы должны рассматривать учение о «проклятии русской матрицы» как политически нейтральное, свободное от идеологической опеки тех, кто желает навязать российскому монастырю свой устав жизни? Политическая борьба в любой сфере, в т.ч. по отношению к русскому народу, всегда делит ее участников, как писал К. Шмитт,

на «друзей» и «врагов». Эта «дихотомия самая интенсивная, самая крайняя, и всякая конкретная противоположность есть противоположность политическая тем более, чем больше она приближается к крайней точке, разделению на группы “друг-враг”»². Но если политического действительно нет и Запад не желает нам зла, то пусть он оставит русских в покое, переключит ресурсы своей власти на собственные проблемы, на деле доказав терпимость к нашему национальному пути развития.

¹ См.: Mouffe Ch. 2006. *On the Political*. – L.; N.Y.: Routledge. P. 8–21, 29–34.

² Шмитт К. 2000. Понятие политического. – *Политология : хрестоматия (сост. М.А. Василек, М.С. Вершинин)*. – М.: Гардарики. С. 28.

СЕЛИВАНОВ Александр Иванович –

*д.филос.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института микроэкономики, г. Москва
seliv21@mail.ru*

О «КУЛЬТУРНЫХ МАТРИЦАХ» ПРОРОССИЙСКИХ И АНТИРОССИЙСКИХ РОССИЯН

Каждая цивилизация, каждая национальная культура имеет собственный набор «культурных генов», организованных в «культурные матрицы» («кристаллические решетки» культуры), которые определяют воспроизводство конкретной культуры и цивилизации, ее развитие и способность адаптации к новым внешним и внутренним, природным и социальным условиям.

В России вокруг русской традиции сложился тип культуры и цивилизации, проявивший свою способность к успешной конкуренции с мировыми культурами и цивилизациями, к эффективному развитию, к формированию конкурентоспособной культурной личности. Однако современное состояние России, ее деградиционная социально-культурная динамика вновь наводит многих людей на размышление о продуктивности самой «русской культурной матрицы» в современных условиях.

По гамбургскому счету существуют два альтернативных подхода к оценке русской традиции: 1) русская «культурная матрица» способна к продуктивной реализации в

современных условиях, к эффективной и конкурентоспособной организации жизни России и ее народа, формированию современной личности, и поэтому русская традиция имеет дальнейшие перспективы; 2) русская «культурная матрица» исчерпала себя, ее реальная история в большинстве своем – череда постоянных ошибок, угнетений, тупиков, и от нее нужно избавиться. Понятно, что существуют разные позиции как в русле первого, так и в русле второго подхода.

Есть все основания полагать, что главная причина постсоветской культурно-цивилизационной деградации России кроется отнюдь не в «русской культурной матрице» (или «культурной матрице» России), а в том, что последняя на протяжении пореформенных лет игнорируется и направленно «защищается» с помощью узкого слоя антироссийских интеллектуальных «элит». Угнетение русской светской культурной матрицы и отчуждение русского человека от русской культуры привело и продолжает вести к раскультированию и одичанию значительной части

граждан страны, к культурной деградации социальных групп и целых социальных слоев, особенно молодежи, к возвращению людей в прошлые исторические эпохи либо к превращению в маргиналов со всеми вытекающими последствиями. В описании первого подхода будем кратки, поскольку он обсуждается и будет обсуждаться, пока есть русский народ, русская культура, пока жива русская традиция. Сущность русской традиции, естественно, заключается не только в коллективизме. Ее сущность составляют также высокая духовность, справедливость, моральность, созидательный труд, просвещение, державность и другие ценности. И именно эти ценности последовательно вытравливают из сознания граждан России. Их, собственно, уже нет в политическом лексиконе, в СМИ, в культурных и образовательных программах, в сознании новоявленной элиты. У российского народа ампутировали душу, сущностью которой являются великие смыслы. Потому что западным конструкторам новой России (пора давно называть вещи своими именами) и их исполнителям в самой стране нужна слабая колониальная, сырьевая страна — а такой стране указанные традиционные ценности не просто не нужны, а противопоказаны.

Уже, оказывается, можно, почитав М. Элиаде и М. Вебера, легко «объяснить» русскую традицию и «разгадать» «русскую культурную матрицу», и непонятно, зачем над этим ломали голову и все усложняли А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, Н. Бердяев, сотни мыслителей; можно одним презрительным плевком разобратся с русской культурой, а заодно и с русским народом, можно самый исторический, пронзенный историей народ уличить в антиисторическом сознании; можно на основе преднамеренно фальсифицируемых с целью очернения русского человека официальных данных делать вывод об антропологическом кризисе народа, который, вопреки направленной на это политике, не уничтожен.

Кем же являются сами исследователи «русской матрицы»? Специфика идеологии радикального либерализма в России заключается в доминировании в ней антитрадиционных в сущности своей социально-политических и культурных сил, в их ориентации на нероссийские культурные традиции, презрительно-негативное отношение к России, к русскому народу, а

также к татарскому, башкирскому, марийскому, чувашскому, еврейскому — практически ко всем этносам России. Ценностно-культурная матрица этой социальной когорты — циничный индивидуализм и эгалитаризм вместо служения обществу и Отечеству, компрадорский антипатриотизм и маргинальность вместо державности и патриотизма, аморальность против традиционной морали, отрицание равенства и справедливости в пользу собственной и корпоративной элитарности, индивидуального благосостояния и наживы и т.д. Эта «элита» фактически согласилась на колониальное настоящее и будущее России в обмен на свои (индивидуальные, личные, частные, семейные, корпоративные) блага и привилегии.

В целях идеологической борьбы совершенно искаженно преподносят даже «западную традицию». Никто не показывает, как там учатся и работают, не показывается деятельностная сторона западной жизни, тогда как любая национальная культура — это, в первую очередь, культура труда и созидания. Однако именно искаженные *таким* образом западные ценности вносятся в «воспитание масс». И пока в США и развитых западных странах, в Китае, Индии разрабатывают и осуществляют передовые форсайт-проекты, у нас некоторые считают, что попытка формировать человека-творца — это недостаток советской системы, а главной задачей является воспитание квалифицированного потребителя. Дело заключается в общем курсе на максимальное сужение потенциала и полномочий российского государства и российской культуры как внутри страны, так и за рубежом. За внедрением разрушительных ценностей и управленческих решений скрываются умные и комплексные социально-культурные технологии, разработанные в крупнейших научных центрах США и высокопрофессионально внедряемые разведывательно-диверсионными организациями, в первую очередь ЦРУ¹.

Социально-политический анализ субъ-

¹ См. особенно недавнюю кропотливую работу английской журналистки-документалистки, проштудировавшей 30 американских и британских архивных собраний и проанализировавшей огромный массив информации о деятельности ЦРУ в культурной сфере, начиная с 50-х годов XX в. и по сей день. Сондорс Ф. С. 2013. *ЦРУ и мир искусств: культурный фронт «холодной войны»*. М.: Кучково поле, 422 с.

ектов антитрадиционной деятельности в России позволяет выявить перечень основных носителей негосударственных, иногосударственных и антигосударственных интересов, противодействующих национально-государственным интересам и государственному суверенитету России:

– конкретные представительства тайных и явных зарубежных финансово-экономических, производственных, торговых, политических и других деловых структур, реализующих интересы и установки западного (особенно англо-американского) и восточного (особенно китайского) миров на территории России в виде различных НКО, культурных, образовательных, аналитических и пр. центров, СМИ;

– крупнейшие отечественные хозяйствующие и финансовые субъекты регионального, национального и мирового масштаба (ТНК, финансовые центры), корпоративные и частные интересы которых как собственников не совпадают с национально-государственными и даже им противоположны;

– криминальные и теневые структуры, поглотившие до половины экономики России;

– большинство средств массовой информации, поскольку все они включены в «деловой оборот» и имеют как собственные корпоративные деловые интересы, так и «деловые обязательства» перед «партнерами» либо «хозяевами», а также идеологические установки (например, установка на запрет пропаганды русской культуры в России и даже ее полное замалчивание – как ранее и до сих пор в США);

– представители многих некоренных этнических групп, поделившие экономические сферы в разных регионах страны и, мягко говоря, не «исповедующие» российский государственный патриотизм по разным причинам (существование этнических территорий за пределами России, доминирование родоплеменных и этнических ценностей над ценностями государства, включенность в «мировые» надгосударственные этнические и религиозные структуры, демонстративный космополитизм, «обида» и «мечь» российскому государству за те или иные исторические ситуации);

– представители маргинальных субкультур, различные меньшинства, секты и т.д.,

находящиеся вне культурной традиции, но организованные в активные международные организации и сети, имеющие серьезную поддержку среди элит некоторых стран;

– достаточно узкий слой российских носителей откровенно антироссийских убеждений, ориентирующихся на ценности других культурных миров (в первую очередь, на либеральные ценности Запада), в своей деятельности опирающихся на интеллектуальные разработки западных научных центров и финансируемых ими, в т.ч. представители отечественных, зарубежных и транснациональных общественных организаций, представляющих на территории страны интересы других культур, других стран и действующих на основе сетевой системы организации и управления.

Численность этих слоев и сообществ в России составляет от силы 1–2% общей численности населения страны. Однако именно они, реализуя собственные (индивидуальные и групповые) социальные интересы, фактически определяют социокультурную динамику страны на протяжении всего пореформенного периода. Фактически эти слои и группы становятся участниками нового типа (или этапа) социально-геополитических технологий, разрабатываемых и внедряемых по всему миру США во имя продвижения американских интересов. Сущность этой технологии – побуждение недовольных к проведению мирных акций (митингов и т.д.), других групп – к боевым акциям в нужный момент. Цель – заменить правящую элиту в стране на еще более слабую и подконтрольную США и одновременно создать социальную ситуацию управляемого хаоса, неспособности органов государственной власти к самостоятельному осуществлению политики, поддерживать систему «внешнего управления».

Нет, не Азия, которая «давит свободу», и Европа, которая «несет свободу», сейчас воюют на полях России, даже не русская традиция и западная традиция. Культурная альтернатива в современной России иная – это альтернатива «компрадорские элиты – российский народ» и, соответственно, два пути – колониальная страна и культура или сильная самостоятельная страна.

Есть все основания считать, что ответ на главный вопрос – о способности самостоятельной организации государства на

основе русской традиции — совершенно однозначен: это возможно.

Русская традиция и культура часто сводятся к исторически пройденным формам, а не к поиску перспективных, оригинальных, конкурентоспособных решений, как это делали в 60-х гг. в Японии (доклады группы «Дойкай»), как делают в Китае сейчас. Кроме того, официальные «культурные элиты» и не подозревают (или основательно позабыли) о действительном предназначении культурного слоя в любой стране. Высшее предназначение русской интеллигенции — служить народу и государству, указывать путь и помогать народу, обществу, государству идти в нужном направлении, учить народ организовываться и созидать в новых условиях, а не самим хищно расхватывать духовное и материальное наследие предыдущих поколений под предлогом личной свободы.

Понятно, что современная технологизация любой национальной традиции, в т.ч. русской, безусловно, нужна, точно так же, как это сделано в Германии и США, Финляндии и Канаде, Японии и Китае. Суть такой технологизации, основанной на научных разработках в этой сфере, — обре-

сти новое знание о своей культуре и цивилизации, найти ответ на вызовы современности с точки зрения русской традиции, показать пути выживания культуры и каждого человека, остающегося в рамках русской традиции, с целью создания конкурентоспособных хозяйственных, деловых, политических и т.д. структур, перевести знания и умения в организации и технологии управления в массовое тиражируемое действие, не подменяя традицию матрешками и шапками-ушанками.

В условиях современной мировой динамики реализации любого (в т.ч. патриотического) сценария в огромной степени зависит от качества управленческих решений и от организованной воли народа. И хотя русская культура пока съезживается, как шагреневая кожа, под ударами современной социально-культурной реальности, имеет малое информационное влияние на социально-культурные процессы, остается обоснованная всей историей великая вера в Россию, в русскую культуру, в могучий русский народ, поскольку, как показывают многие социологические исследования, «русская культурная матрица» жива.

БЕЛЬКОВ Олег Алексеевич —

*д. филос. н., профессор, Военный университет Министерства обороны
belkovole@yandex.ru*

НАДУМАННЫЙ ТЕКСТ О ПРИДУМАННОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА

Памфлет — публицистическое произведение остросатирического характера, создаваемое с целью социально-политического обличения кого-либо, чего-либо. Видимо, к этому жанру относится статья А.А. Пелипенко. Из контекста ясно, что его стрелы направлены против русского народа, в его транскрипции — против «русской матрицы» как системы организации русского народа, которая коренится в русской ментальности. При этом автор специально подчеркивает, что атакует именно «русскую» матрицу, непонятным образом отрывая ее от российской политической системы и противопоставляя их.

Памфлет этот написан таким языком и в таком духе, о которых сербский богослов и философ Ю. Крижанич еще 400 лет тому назад отозвался следующим образом: «Когда пишут что-либо о русском народе, пишут, как видим, не историю, а язвительную и шутейную песнь. Наши пороки, несовершенства и природные недостатки преувеличивают и говорят в десять раз больше, чем есть на самом деле, а где и нет греха, там его придумывают и лгут». Много позже Ф.М. Достоевский сказал: «Каждый несчастливый и неудачный русский факт возбуждает в них [отечественных правдолюбых-либералах] смех и чуть ли не восторг».

Родную историю они видят и трактуют не как верные и вдумчивые сыны отечества, но как вивисекторы, не знающие ни милосердия и сострадания, ни естественной для нормального человека снисходительности к собственным слабостям, ни даже широко популяризуемой ныне толерантности. Вот и в данной публикации чувствуется упоенные ролью разоблачителя.

Тенденциозная надуманность, «язвительность и шутейность» рецензируемого сочинения заложены уже в самом его названии. Оба заглавных слова являются симулякрами (симулякр — псевдовещь, замещающая реальность, образ отсутствующей действительности).

В сугубо техническом, технологическом плане матрица — это константа, которая обеспечивает серийное производство одного и того же продукта. Она не допускает никаких вариантов. Автор волен технический термин ввести в социальный текст. Часто это позволяет точнее и яснее сформулировать собственную мысль. Но дело приобретает другой оборот, если вводимое понятие подвергается детерминологизации, в результате которой оно, утратив специальное значение и категориальную определенность, наполняется не свойственным ему содержанием.

Поясню. Матрица создается мастером и не меняется в принципе. Если мастеру нужен другой продукт, он создает новую матрицу. Вопрос: кто тот мастер, что создал матрицу русского народа? Допустим, Бог. Но и ему не под силу с помощью данной матрицы сделать из русских, скажем, американцев или японцев. Следовательно, ничто в истории, жизнедеятельности русского народа, в т.ч. если и не одобряемое, то и не осуждаемое автором «послесталинское смягчение нравов и улучшение социально-бытовых условий», не может происходить вопреки матрице.

Нужно ли говорить, что русский народ времен Киевской Руси, Петровской империи или советского времени ни в количественном, ни в качественном отношении не представляет собой неизменный продукт — Бога ли, природы или истории. Стало быть, и единая либо единственная матрица русского народа — выдумка автора, несостоятельная в научном плане и вредная в политическом отношении. Тем более бессмысленны тезисы о необходимости «изжить русскую матрицу», о

ее переформатировании или очередном крахе, в результате которого рождается ее уменьшенная матрешка.

И потому читателю остается додумывать: «матрица русского народа» — это нечто, посредством чего создан русский народ, или инструмент, с помощью которого русский народ создает нечто? Авторская мысль о том, что русская матрица — продукт исторически сформировавшегося ментального типа, только запутывает вопрос.

Проклятие — это не качественная характеристика какого бы то ни было явления. Словари объясняют: проклятие — крайнее, бесповоротное осуждение кого-либо, чего-либо; выражение сильного негодования, недовольства по отношению к чему-либо. В магии — это особые заклинания, которые вызывают несчастья. Вопрос: названием своего сочинения автор насыпает несчастье на русских или выражает негодование по поводу того, что они такие, какие есть? Нужно ли говорить о том, что и то и другое суть русофобия?

Таким образом, автор назвал свое произведение словами, смысл которых ему неведом. Оставим в стороне изысканную вычурность языка статьи, изобилующей такими оборотами, как «циклы мифологического времени», «поток исходящих свыше флюидов», «оторванный от жизни идиотизм», «медиумическая функция иерархии государевых людей», «священное безумие жреца», «власть как космизующий субъект»... Обратим внимание на идеи. В представлении Пелипенко «русская матрица» антиисторична, антиличностна и даже антиантропна, а сознание человека «русской матрицы» архаично и инфантильно. Но, во-первых, одними «анти», означающими осуждающее отрицание, невозможно дать конструктивную характеристику какого бы то ни было общества: антитезис по определению предполагает наличие тезиса. Во-вторых, названные сочинителем черты русскому народу не свойственны. Его «антропность», например, подтверждается тем, что численность населения России, составлявшая во времена Петра I до 15 миллионов подданных, несмотря на все невзгоды, постоянно росла. Об «историчности» народа говорит тот факт, что на протяжении более тысячелетия, перефразируя

Ф. Тютчева, им неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает история ее таинственную судьбу. Пелипенко же говорит о бесконечных провалах России, как бы не ведая о ее взлетах и триумфах. Между тем, общая историческая успешность страны была бы в принципе невозможна, если бы ее населял архаичный и инфантильный народ.

По мысли автора, все беды русского народа обусловлены расколотостью общества на европейскую и азиатскую части. Это деление, заявляет он, происходит не по географическим границам. Надо полагать, оно имеет социальные основания и характеристики. Не станем гадать, что имеет в виду автор: почвенники и западники, патриоты и космополиты, либералы и социалисты, демократы и монархисты, «новые русские» и остальные, белые и красные... Таких антитез можно назвать множество. Автор не раскрывает, что для него «Европа», за торжество которой ратует. Но дело даже не в этом. «Русской Европе и русской Азии более в одной стране не ужиться», — утверждает Пелипенко. Разумеется, он не разъясняет, кто из них, куда и как должен деться, ибо даже сама постановка этих вопросов вскрывает абсурдность данного утверждения.

«Историк, — писал Николай Карамзин,

— должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье и умалять в своем повествовании бедствия; он должен быть, прежде всего, правдив; но может, даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа, передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом, может, он сделается национальным бытописателем, чем, прежде всего, должен быть историк».

PS. Сказанное не есть призыв к идеализации русского народа и его истории. У него и в ней были страницы, вызывающие грусть, за которые можно и нужно стыдиться. Да и сегодняшнее состояние и положение русских вызывает боль у любящего сердца. Данная реплика — протест против злобной демонизации самобытного и самодостаточного народа, не только сохранившего себя, но и не раз спасавшего мировую цивилизацию от тиранического переформатирования.

«Не ради денег и престижа/ Ругаю свой народ я, Боже./ Но почему-то ненавижу/ Тех, кто его ругает тоже./ Я думал долго и подробно/ И стало ясно для меня:/ “Они” его ругают злобно./ А я, как учишь Ты, любя» (Николай Зиновьев).

СОЛОВЬЕВ Александр Иванович —

*д.полит.н., профессор; факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
alekssol21@gmail.com; Solovyev@spa.msu.ru*

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В СТРАТЕГИЯХ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Культурный раскол российского общества, тлетворное влияние «азиатчины» на развитие социума, загадочность российского менталитета и прочие аналогичные проблемы не одно столетие волнуют отечественных исследователей. И чаще всего наши ученые — в силу привычного для российских интеллектуалов стремления трактовать эти проблемы в глобальном и даже космическом измерении — дают на эти вопросы

драматические, а порой и катастрофические ответы. На этом фоне доказательства преимуществ европейских ценностей и либеральной демократии сталкиваются с не менее эмоциональными аргументами в пользу преобладания традиционализма, православного фундаментализма и пр. Думаю, и наши правнуки будут так или иначе обращаться к этой дискуссии, хотя и в связи с другой повесткой российской эволюции.

Если все же снизить уровень катастрофичности при оценке отечественной культуры и посмотреть на проблему более прагматично, то следует попытаться понять, как культурная расколотость российского общества влияет на институты управления, как значительный вес низко развитого профанного сознания отражается на политических изменениях в стране и как эта ситуация, в конечном счете, может повлиять на перспективы развития России.

Культура в своем поведенческом статусе является трудноуловимой и противоречивой величиной. Другими словами, ценностные ориентиры человека (при всем их индивидуальном значении) применительно к конкретным практическим действиям могут оставаться вполне нейтральными, уступая место прагматическим установкам. Хотя в другой ситуации именно ценности станут определять действия человека. Одним словом, ценностные ориентиры — это всего лишь один (пусть и самый глубинный) из возможных источников поведения, который может оставаться совершенно незадействованным в тех или иных поведенческих контекстах. Поэтому, хотя в историческом измерении культура демонстрирует наиболее привычные для человека стили поведения, в повседневном масштабе (применительно к тем или иным задачам или проектам) она может утрачивать свое прагматическое значение. Согласитесь, к примеру, что в Китае масса носителей конфуцианской культуры демонстрирует вполне современные «европейские» стандарты экономического поведения, ничуть не мешающие прогрессу общества.

Другими словами, ценности не исчерпывают всего содержания сознания человека, а их неравнозначность дифференцирует и качество поступков. Образно говоря, культура представляет собой своеобразную луковицу, где практическое значение может обретать либо один, либо другой самостоятельный пласт ценностных ориентиров. Причем в ряде случаев, даже сохраняя приверженность своим принципам, человек может поступать совершенно противоположным образом.

Принципиально важно и то, что внутренняя амбивалентность культуры содержит и ее способность к внутренним трансформациям. Иначе говоря, чело-

век способен отказываться от присущих ему ориентиров и традиций, начиная руководствоваться совершенно иными целями. И ясно также, что у разных групп существуют разные возможности для такой ментальной трансформации. Однако в данном случае надо учитывать силу агентов влияния, т.е. семьи, государства, сетевых сообществ или отдельных событий в части трансформации (ближайшей и удаленной) социальной среды и соответствующего культурного переснащения человека.

И наконец, последнее общее соображение: низовые, незлитарные слои населения, или основные носители той культуры, которая и вызывает горечь и исторический скепсис Пелипенко, не способны влиять на государственные и тем более стратегические решения. Да, они — это тот груз, который тянет и мешает осуществлять прорывные стратегии, трудно вписывается в современные процессы. Но не они определяют вектор развития страны, и не они, в конечном счете, являются преградой прогрессу. Даже в Америке немало безграмотных, опустившихся людей, наркоманов, алкоголиков, бездомных. Да и многие работающие американцы не являют собой образец образованности или просвещенности. Но это местное «быдло». Культура социального «дна» не делает погоду и не тянет страну в сторону от целей развития.

Применительно к теме нашего разговора сказанное означает, что культурное «быдло» («хамство», «тьма египетская», «совок», пресловутая «азиатчина» и пр.), хоть и проходит незримыми линиями сквозь все слои населения, в основном концентрируется в (полу)маргинальных и близких к ним социальных слоях общества. В то же время этот культурный слой по природе своей вполне пластичен, т.е. обладает перспективой ценностной переориентации, перехода к другой системе кодирования опыта и традиций, замены даже устоявшихся архетипов. А вот в практическом плане социальная роль этих культурных «низов», характер эволюции и возможность использования этой «асоциальной» силы зависят исключительно от правящих элит. Так что, хотя в России этого культурного материала побольше, чем в других европейских странах, корень проблемы все равно заключается в тех правительственных стратегиях,

в рамках которых и используется сила наших «азиатов».

Так что, пусть у России сложный (и даже расколотый) субкультурный профиль, но это всего лишь один из факторов ее эволюции. И сколько бы ни говорили о «загадках» российской ментальности, ее наследственной «азиатчине», этой «тме египетской», олицетворяющей и мифологичность протополитического мышления, и непросвещенность населения, важно понять, что реальная политическая роль всей этой дикости (ее влияние, воздействие на государственные решения и политические процессы) зависит от позиций правящего класса, от характера предлагаемых властями проектов, сложившегося в стране стиля государственного управления. Иными словами, России не столько мешает дефицит рациональности и просвещенности граждан (хотя это, конечно, и затрудняет движение вперед), сколько позиция правящей элиты, искусственно сохраняющей и поддерживающей этот культурный профиль в обществе и использующей его для реализации своих подлинных замыслов.

Известно, что в России правящие элиты рассматривали и рассматривают население не более чем властный ресурс, необходимый им для поддержания своего положения. Повышение уровня знаний людей, поощрение их гражданского саморазвития, освоение ими современных технологий жизнедеятельности, их духовный и политический рост — все это клише официальной пропаганды, не больше. Гражданственность, обретение людьми самостоятельных политических позиций было и остается для правящих слоев абсолютно космической потребностью. Единственная проблема, которая стояла и стоит перед властью имущими, — это вопрос доступности данного ресурса, т.е. выстраивания тех политических коммуникаций, использования тех символов, которые позволили бы гражданам — нет, не понять смысл предлагаемых решений, а поддержать власти в их устремлениях.

В арсенале правящего класса есть вполне универсальные технологии, применяемые им на протяжении столетий. С их помощью авторитарные и деспотические режимы веками умерщвляли гражданское общество в России, стремясь максимально уменьшить число людей, способных к критическому мышлению.

Еще Гоголь смеялся над властями, пытавшимися не допустить ситуации, когда у «отдельного человека» было свое собственное мнение. Поэтому, используя всю свою политическую мощь, тиранические режимы веками убеждали людей в их генетической зависимости от государства, пытаясь утвердить в их сознании идею, что патриот — это тот, кто предан даже не государству, а власти и ее лидерам! А следовательно, революционер, оппозиционер, критикан, любой сомневающийся — это разрушитель российской государственности, подрывающий ее целостность и нарушающий «судьбоносные» решения властей. Особенно усердствовала в этом советская власть, создавшая судебную систему, призванную бороться даже со «скрытыми формами контрреволюционной деятельности» и применявшую «уголовную репрессию при отсутствии вины обвиняемых»¹.

Именно в неразрушимой внутренней солидарности человека и власти состоял идеал навязываемой людям гражданской идентичности. Быть патриотом, любить Родину — значит любить власть и быть преданным своему вождю. Даруемая государством справедливость и порядок, демонстрируемый им путь «возрождения» страны и «прогресса» неразрывно связывались с архетипами оборонного сознания, порождая в обществе состояние постоянной конфликтности «своих» (большинства) и «чужаков». Эта дихотомическая разделение общества постоянно вспыхивала в виде идейно оформленных конфликтов западников и славянофилов, оппозиции пролетариата и буржуазии, белых и красных, местных и «понаехавших», любых «наших» и «не наших». Как следствие — пребывание общества в состоянии постоянной тревожности, время от времени взрывающейся пониманием необходимости устранения всех этих «вредителей». Власть не заставляла себя ждать, давая указание, считать ли врагами «наймитов капитализма», «врачей-вредителей», «космополитов» или же «людей, отирающихся около зарубежных посольств в поисках грантов», «рвущуюся к власти оппозицию» и т.д.

Все эти проникшие в массовое сознание психотипы создавали устойчивую оппози-

¹ Пайпс Р. 2013. Суд как «законченное политическое произведение». — *Новая газета*, № 68. 26.06. С. 18.

цию демократии, которая может существовать только в атмосфере жизненного многообразия, соревновательности стилей жизни разных групп населения, а также неизбежного (пусть и уважительного) оппонирования власти, оспаривания пребывания на ее вершинах тех или иных представителей элиты. Все это органически противоречило стратегиям развития имперских и деспотических российских режимов, пытавшихся добиться идейного скрепления общества путем его насильственной интеграции, не допускающей своеволия или сколь-нибудь существенного внимания к позициям меньшинств и, тем более, отдельного человека. Насаждаемая властью идея большинства, приоритета «хранившего правду» народа подавляла ростки гражданской самостоятельности.

В русле этой стратегии гражданские права, социальная справедливость, само право на жизнь — все шло от верхов, и человек становился вековечным должником власти за свое «счастливое детство», получение образования, работу, «счастливое будущее» и пр. Апофеозом такой стратегии было стремление в сталинские годы заставить человека ради «преданности партии» и «идеям коммунизма» отречься от самого себя, от семьи, оговорить своих близких, предать в себе все человеческое. И ценой этому была человеческая жизнь. Людей приговаривали к смерти за одни лишь сомнения в правоте «великого дела», за недостаточную активность в выражении любви к «великому кормчему». И кем же надо быть, чтобы сегодня обелять сталинизм, оправдывать чекистские преступления необходимостью «развития отечественной промышленности», «выживания страны», методично уничтожавшей миллионы своих граждан!

При помощи этой примитивной идеи российские власти на протяжении веков (!) формировали массовое иерархическое общество, внутренняя целостность которого не то что требовала, а, напротив, органически отторгала людей, способных критически мыслить, самостоятельно осваивать действительность. Не удивительно, что самой желанной и восприимчивой группой, готовой действовать по любым изготовленным властью политическим лекалам, были маргиналы и люмпены, неимущие и зависимые поколения, жизненные цели которых во многом были сосредоточены на элементар-

ном физическом выживании. Благодаря своим невысоким моральным запросам, именно эти люди оказывались наиболее аутентичным политическим материалом для властных инициатив. А устраиваемые властями экономические и политические препятствия активности человека, его гражданскому самовзрослению оборачивались исключительно консервативными и реакционными последствиями в виде черносотенства, охотнорядства, движения «православных хоругвеносцев» и пр. Массовая пропаганда умело делала свое дело. В силу закукленности индивидуального сознания и жизни человек был обречен на социальные пороки — пьянство и алкоголизм, склонность к суициду, увлечение мистикой, преступления...

И сегодня ситуация в принципе не меняется. Мало социализированные и необразованные слои населения, эти носители постимперского травматического сознания, все так же списывают свои невзгоды на «иностранцев», «иноверцев» и «коварный Запад», провоцируют всплески анархизма и беззакония, бездумного насилия по отношению к «чужакам». А власть, используя недовольство людей, подсказывает и направляет такие политические формы «патриотического» творчества масс. Иногда, впрочем, заигрывается (как в недалеком прошлом, пытаясь активизировать и взять под контроль националистические движения), но рук не опускает.

Надо понять, что осознание структурных противоречий между государством и обществом, государством и правящим режимом, предполагающее наличие хотя бы начатков политических знаний, для этих людей в настоящее время оказывается крайне сложным. По сути, только в 90-е гг., в период анархического становления демократии, в стране начали формироваться поколения, которые стали отвыкать от этой всепроникающей лжи.

Как это ни прискорбно признавать, но в настоящее время преодолеть традицию гражданской стерилизации соотечественников при помощи имеющихся у общества сил и ресурсов очень и очень трудно. Интернет-пространство вроде бы и создает какие-то источники обновления ситуации, но институциональный контроль над национальными телеканалами (с которыми, собственно, и имеют дело массы населения) все еще сильнее. И

регулируемые властями публичные медиа-стратегии СМИ все так же направляются на сохранение «политической невинности» людей и возбуждение чувств квасного патриотизма. Понятно, что таким образом усугубляется и внутренняя рассогласованность общества, укрепляется исконная противоречивость масс и думающего меньшинства.

Сегодня политическая система, государство препятствуют не санкционированному властями политическому и гражданскому включению человека в публичную жизнь. Власть отталкивает человека от политики, не дает ему встроиться в публичную жизнь, препятствует осознанию им своих интересов. Ресурсное преимущество правящего класса прикрывается усилением репрессивного законодательства, идеологической эклектикой, соединяющей символы демократии и гражданских репрессий, православных архетипов и гонений на субкультурные меньшинства. Инакомыслие подавляется и вытравливается из системы принятия решений. Не случайно ряд аналитиков считают, что такая стратегия неуклонно «ведет страну к тоталитарному прошлому»¹.

Понятно, что, сохраняя такой тренд, страна постепенно превращается в неудобное место для жизни многих россиян, которые не желают тратить свою жизнь на борьбу с корыстью власть имущих и задавленным бессознательностью большинством. Впрочем, такие настроения совпадают и с позицией властей, не заинтересованных в присутствии не лояльных им граждан на «своей» территории. Однако вся проблема именно в том и состоит, что это не «их» территория, что власть в государстве не предназначена для самообслуживания элиты.

Думается, однако, что во все более информатизируемом мире капли здравого смысла будут все активнее проникать в застоявшуюся среду постимперского массового сознания. Плюс экономические проблемы, которые возбуждают недовольство людей сильнее любой пропаганды. Плюс ошибки властей и их ненасытность (а все чаще обнажаемые сверхдоходы бизнесменов от государства тоже сильное средство переосмысления ситуации). Не исключено, что и в элите найдутся люди,

испытывающие ответственность по отношению к обществу.

Но в любом случае исправление сложившейся культурно-политической диспозиции — это долгий исторический процесс. За 3–5 лет не справиться с массовыми архетипами, которые формировались столетиями. И даже — помечтаем немного — появление институтов подлинной демократии не сразу изменит ситуацию. Потоки социального озлобления будут еще долго торпедировать эти структуры.

Тем не менее понятно главное направление: надо менять правительственные стратегии и в управлении государством, и в публичной сфере, а главное — активизировать коммуникации, вовлекающие человека в пространство гражданских отношений. А если нынешний режим к этому не готов, то надо менять тот сегмент правящего класса, который показывает свою историческую несостоятельность и ничем, кроме укрепления коррупционной системы, себя не аттестовал.

В оперативном плане, чтобы снизить политические резонансы низко развитой профанной культуры, необходимо решить, как минимум, три задачи:

- обеспечить единообразное применение закона, избавив страну от правоприменительной практики, превратившей правосудие в инструмент политических расправ и обслуживания интересов политической верхушки;

- качественно повысить институциональную открытость политической системы (исключить административный надзор над СМИ, ввести институты подлинного гражданского контроля и пр.);

- резко повысить качество повседневной информации в публичной сфере.

Благодаря этим мерам общество, бесспорно, покажет свою способность к культурной перенастройке. Возникновение новой политической среды оперативно поставит население в новые отношения с властью, внушит людям реальную, а не утопическую надежду на будущее, которое надо строить самому человеку. Но людям надо терпеливо приучать к контролю за властью, к контролю повседневному, тщательному. Не забудем, что для возникновения новой культурной энергетики нужны и гражданские лидеры, и примеры политического подвижничества. Именно такие вещи и воспитывают людей.

¹ Пастухов В. 2013. Тотализатор. — *Новая газета*, № 77.17.07. С. 8–9.

Конечно, предлагаемая стратегия культурной перезагрузки рефлексивна и умозрительна. И надеяться, что власти кардинально изменят свои планы и начнут просвещать общество, реально бороться с коррупцией, достаточно утопично. Но надежда на людей, которые не захотят тратить силы и жизнь на обслуживание элиты и хотят при этом жить в своей стране, все же остается.

История показывает, что обновление культурных тел в любых национальных политиках — это вопрос времени и последовательной демократизации государственных институтов. И всем, в т.ч. и критически мыслящим людям, надо иметь терпение, понимая, что сразу освоить политические истины не удастся. Это проблема поколений.

Конечно, зависть по отношению к успешным или более образованным людям победить не удастся никогда. Столь же очевидно, что и за время борьбы с отечественным бескультурьем немало умных, образованных и совестливых людей утечет в другие пределы. Не сразу даже желающие изменить ситуацию государственные менеджеры научатся делать дело и избегать крупных ошибок. И уж конечно, иерархическое общество будет сопротивляться переходу в более сложно организованный мир. Но для преодоления этих контртенденций и нужны институты гражданского контроля, согласование позиций, мониторинг и другие каналы обратной связи, которые должны начать действовать и в публичной сфере, и в зоне принятия решений. Все это затянет, а может быть,

и драматизирует процесс. Но другого пути нет.

И уж тем более неразумно спешить «разводиться» с не окрепшими политическим разумом соотечественниками. Нельзя забывать простую истину: все эпохальные вопросы неизбежно решаются. При этом любая радикальная оценка перспектив неизменно посрамляла своих прорицателей, обнажая такие исторические повороты и возможности, о которых они и не догадывались. Поэтому я и против тех, кто драматизирует ситуацию, и против романтиков, которые надеются непонятно на какие силы. Жизнь сложнее, и до окончательных «разборок» еще далеко. И глобализация, и массовые перемещения народов — это не книжные выдумки, они касаются и наших людей, пробуждая даже в затемненном сознании более реальные образы власти.

Так что делать исторические прогнозы можно, но осторожно. Слишком много версий развития остались еще не «расколдованными» не только в национальной, но и в мировой политике. Думаю, что анализ отечественных социокультурных матриц, сопоставление идеалов и ценностей будет животрепещущей проблемой и для наших правнуков. А что касается разделов, переделов, реформ, окончательных разводов и пр., то это наша прерогатива. Поэтому история сама решит, как в эпоху глобализации можно сохранить цивилизационную целостность. Но нам не надо ждать ответа, сидя у «разбитого корыта» культурной матрицы. Надо создавать политическую инфраструктуру будущего. Всем. Здесь и сейчас.

НИКОЛАЕВ Александр Николаевич —

*д.и.н., профессор; заведующий кафедрой философии и политологии СГСЭУ
nikolaev@sssa.runnet.ru*

«РУССКАЯ МАТРИЦА» ИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ РАЗВИЛКА?

Статья А. Пелипенко выглядит весьма эпатажно для традиционного научного дискурса. Однако если отвлечься от ее эсхатологического пафоса, то следует признать, что автор в острой форме поднимает традиционные «прокля-

тые» российские вопросы. Историческая судьба России, загадка русской души (она же русская ментальность), особый путь России, Россия и Запад — об этом впервые писал еще П. Чаадаев. А затем начался вечный спор западников и славянофилов.

Ключевой вопрос статьи А. Пелипенко — наличие некоей ментальной матрицы, детерминирующей судьбу русского народа и сводящей на нет все попытки модернизации. Рациональное зерно в этой идее есть. Вспомним, что писал П. Чаадаев об истории России в первом «философическом» письме: «...тусклое и мрачное существование, без силы, без энергии, одушевляемое только злодеяниями и смягчаемое только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции... Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя».

Думается, что история России не так уж безнадежно мрачна. И говорить о «мертвом застое» после событий XX в. вряд ли уместно. Да, мы не такие, как Запад, но различия эти без всякой мистики описываются и объясняются в рамках цивилизационного подхода. Следует признать, что Россия является ядром, сердцевиной специфического социума, безусловно, имеющего свои цивилизационные особенности, отличающие его и от западнохристианского мира и от восточных цивилизаций.

Проблема цивилизационной принадлежности России, начиная с первой половины XIX в., с исторического спора западников и славянофилов, оказалась предметом дискуссии, которая, то затухая, то обостряясь, продолжается до настоящего времени. Несмотря на участие в дискуссии выдающихся отечественных и зарубежных мыслителей, однозначный ответ так и не получен. Вместе с тем многочисленные исследования позволяют сделать некоторые обобщения, характеризующие место нашей страны. Этот социум еще А. Тойнби определил как православную (или восточную) христианскую цивилизацию.

Противоречия религиозного характера имеют глубокие корни. Свыше тысячи лет Россия и Западная Европа исповедуют разные модификации христианства. А ведь религии служат основой для цивилизационных различий. Для православного русского человека западноевропейец всегда был не только чужестранцем, но и иноверцем. При этом речь идет не только о естественном психологическом барьере между представителями разных конфессий. Как показал М. Вебер в своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма»,

каждая религия создает собственную парадигму деятельности во всех сферах межлических отношений. Православие и западные ветви христианства формировали во многом различающиеся образы мира и модели поведения человека в нем. Можно спорить о мере различия между ними, но вряд ли кто будет возражать, что западное христианство в большей степени ориентирует людей на рационализм, индивидуализм, прагматизм. Для православной культуры преуспевающий делец, вообще преуспевающий профессионал никогда не был идеальным типом человека. Гораздо важнее успеха в земной жизни считалось спасение души, поэтому в качестве положительного героя мы расположены принять страдальца, мыслителя или воина. Несколько десятилетий советского атеизма не могли кардинально изменить эти глубинные ментальные характеристики. Данная ориентация проявляется и в политике, и в искусстве, и в быту. Причем проявляется не столько в следовании определенным идеалам, сколько в деталях поведения и в оценке той или иной ситуации. Различается отношение к закону, порядку, государству, собственности и т.п.

Другим важнейшим фактором, повлиявшим на формирование нашей цивилизации, А. Тойнби считал колоссальное внешнее давление. Причем это было не просто давлением соседних стран, а давлением двух принципиально различных цивилизаций: Востока и Запада. Отечественными и зарубежными исследователями прекрасно показано, каким образом многовековое внешнее давление повлияло на взаимоотношения государства и личности, деспотическую форму организации власти, централизацию экономики и, конечно же, на менталитет народа.

Цивилизационная специфика России проявляется, прежде всего, как комбинация ценностей и характерных черт Востока и Запада. Об этом также писали многие авторы. Пожалуй, наиболее глубоко данный аспект разработан в трудах А. Ахиезера. Он же наиболее образно выразил суть этой специфики: «Две основные цивилизации, между которыми Россия оказалась словно распятой, фантастически переплелись в теле и душе общества»¹. Хотелось бы только добавить:

¹ Ахиезер А.С. 1991. Социокультурная динамика России. — *Полус*, № 5. С. 54.

не только общества, но зачастую и в душе отдельно взятого человека. Поэтому, когда А. Пелипенко говорит о принципиальном противоречии между «русской Европой» и «русской Азией» (не в географическом смысле), с ним нельзя не согласиться. А вот когда он предрекает скорый «развод» между ними — это вызывает сомнение. Именно потому, что «русская Европа» и «русская Азия» неразрывно соединяются в одном человеке, и таких людей в нашей стране много. При этом, действительно, «водораздел проходит не по уровню доходов и не по месту проживания». Людей, в которых переплетается Европа и Азия, можно встретить в высших слоях российской политической элиты и среди рядовых офисных работников, в Москве и в российской глубинке. Представляется, что наглядным примером такого противоречивого переплетения является и нынешний президент России В. Путин.

Само по себе соединение характерных черт разных цивилизаций у одного народа не является уникальным. Мы можем наблюдать это во многих латиноамериканских странах, в Турции, в Индии. Но в России это проявляется, пожалуй, в наиболее острой форме. При этом россияне никак не могут определиться со своей идентичностью. Как точно подметил Л. Седов, для России характерно желание не просто сравняться с Западом, а доказать, что мы такие же европейцы, и даже лучшие среди европейцев¹. Вряд ли туркам, индийцам или бразильцам приходит в голову добиваться такого отождествления, тогда как для России это один из привычных «проклятых» вопросов. Подобное стремление, видимо, связано с тем, что российская и западная цивилизации наиболее близкородственные. Они обе основаны на христианской религии, хотя и различных ветвях. И географически, и исторически, и духовно российский социум ближе к Западу, чем любая из ныне существующих цивилизаций. Поэтому, начиная с XVIII в., у многих россиян (в т.ч. и представителей правящей элиты) возникает впечатление, что стоит сделать некоторое усилие, провести преобразования, и наша страна станет органической составной частью западного мира. Россия первой среди незападных стран вступила на путь

догоняющей модернизации в начале XVIII в. Реформы Петра I явились первой попыткой догнать Запад, стать «лучше Запада». Потом последовало еще несколько попыток, самой впечатляющей из которых была советская социалистическая модернизация. К сожалению, она и закончилась самым впечатляющим крахом. Подтвердился прогноз, высказанный З. Бжезинским в конце 60-х гг.: «Несмотря на изумительные достижения сталинизма, он сильно истощил людские и духовные ресурсы русского народа, и поэтому постсталинская Россия может, в конечном счете, вступить в мировое сообщество как еще одна израсходовавшая себя держава послеимперского периода»².

Успешность дальнейших попыток вестернизации находится под сомнением. Можно называть это «проклятием русской матрицы», но с точки зрения цивилизационного подхода все объясняется довольно просто. Если Россия всего лишь страна, где смешались Восток и Запад, то путем целенаправленных реформ можно осуществить полную вестернизацию. Но если мы особая цивилизация, то превращение в Запад тоже возможно, но лишь после разрушения собственного культурно-исторического ядра. А для этого недостаточно только политической воли и целенаправленных реформ. Культурно-историческое ядро, пока оно не разрушено, будет оказывать сопротивление реформам, какими бы разумными они ни казались, если они противоречат основным традиционным ценностям данной цивилизации. Отсюда и давно подмеченная рядом исследователей цикличность в развитии России: последовательное чередование на протяжении нескольких веков модернизационных реформ, контрреформ и стагнаций.

Современникам трудно правильно оценивать события и тенденции глобального масштаба. Однако создается впечатление, что в начале XXI в. культурно-историческое ядро российской (восточнохристианской, православной) цивилизации было почти разрушено. И дело не в потере многих исторических территорий и не в экономическом спаде. В этом смысле наша страна знавала и более тяжелые времена. Грозным сигналом является глубочайший кризис

¹ Седов Л. 1993. Российская модернизация: проблемы и перспективы. — *Вопросы философии*, № 7. С. 23.

² Brzezinski Z. 1970. *Between two ages*. N.Y.: The Viking Press. P. 137-138.

русской духовности. Православие, бывшее основой нашей цивилизации, получило в советский период удар, от которого оно, похоже, уже не сможет оправиться. Крах коммунистической идеологии, претендовавшей на роль новой религии, усугубил духовный кризис. С каждым годом утрачиваются основы традиционной народной культуры. Все меньше наших детей знают сказки об Иване-царевиче, могут петь русские народные песни или сплясать «барыню». А это подрывает развитие и «высокой» культуры. Вдобавок — глубокий исторический пессимизм большинства населения, вызванный поражением в «холодной войне» и распадом великой державы.

Перечисленное выше и дает основание А. Пелипенко заявить: «Похоже, “русская матрица”, наконец, надорвалась». Насколько можно понять, это внушает ему «осторожный оптимизм». Но даже с «осторожным оптимизмом» надо быть

очень осторожным. Дело в том, что разрушение цивилизационного ядра чревато непредсказуемыми последствиями. В статье А. Пелипенко высказывается надежда, что предстоящее «неизбежное геополитическое переформатирование России» приведет к выделению «русской Европы». Во-первых, это переформатирование может сопровождаться потрясениями небывалого даже для российской истории масштаба. Ведь разрушаться будет цивилизационное ядро. Во-вторых, не факт, что будет кому создавать «русскую Европу». Демографическая ситуация в нашей стране характеризуется, мягко говоря, депопуляцией русского народа. В этой связи геополитическое переформатирование может завершиться не «разводом русской Европы и русской Азии», а тем, что останется одна Азия. Поэтому стоит трижды подумать, прежде чем решить, стоит ли ускорять или тормозить разрушение ядра нашей цивилизации.

ГАЛКИН Александр Абрамович –

*д.и.н., профессор, действительный член РАЕН и АПН,
главный научный сотрудник Института социологии РАН*

«ПРОДВИНУТОЕ МЕНЬШИНСТВО» И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ («непричесанные мысли»)

Статья А. Пелипенко любопытна в двояком смысле. Во-первых, будучи отражением идейных установок пусть небольшой, но, тем не менее, заметной части российского общества, она рельефно демонстрирует царящие в ней растерянность, уныние и недовольство. Во-вторых, в статье убедительно прослеживается доминирующее в этих кругах направление поиска причин своей идейно-политической изоляции, в основе которого лежит убеждение в исторически обусловленной ущербности того самого народа, квинтэссенцией которого они так долго себя считали.

Общее описание ситуации, сложившейся в стране, присутствующее в статье, близко к действительности. Поэтому главное в ней — не отдельные переклесты

и неточности, которых немало. Оно, прежде всего, в оценке того, какую роль в том, что страна вступила на явственно оказавшийся не лучшим путь, сыграло участие в приснопамятных событиях первой половины «лихих» 90-х гг. того самого «продвинутого меньшинства», каким именует себя и своих единомышленников автор.

Нужно ли было ожесточенно атаковать «большую Россию», какой был в действительности тогдашний Советский Союз, объявляя ее прогнившей империей, исторически обреченной на гибель, и убеждая народ в том, что как только «малая Россия» стряхнет с себя ненужный и ставший вредным груз «окраин», жить ее народам станет «лучше и веселее»?

Насколько оправданным было решение, действуя в угоду устаревшим псевдолибе-

ральным взглядам, срочно и безоглядно демонтировать всю сложившуюся систему управления народным хозяйством, фактически раздаривая или сбывая за бесценок жизненно важное для страны государственное имущество оказавшимся в сфере внимания случайным, далеко не безупречным людям?

А насколько обоснованным было поведение тогдашних административных структур, которые, рассорившись с легитимным, законно избранным парламентом, вместо того, чтобы искать пути взаимоприемлемого компромисса, направили против него танки, а потом инициировали принятие страной конституции, снабдившей президента страны правами реального самодержца? И таких (или аналогичных) вопросов можно еще задать немало.

Разве не «продвинутое меньшинство» было самым ярким и активным проводником этих подходов и решений? Разумеется, это меньшинство было не одиноким. У него имелись влиятельные спонсоры и союзники. Их ряды пополнили представители многочисленной партийно-хозяйственной элиты, стремившиеся преобразовать свои временные властные полномочия в устойчивую, не подлежащую изъятию собственность, а также спекулянты-нувориши времен перестройки. Именно они и отгеснили затем «продвинутое меньшинство» за кулисы, а то и прямо сбросили его представителей с палубы корабля власти. Но это уже другая страница истории.

Объяснить позицию, занятую «продвинутым меньшинством» в те годы, с позиций сегодняшнего дня не так уж и трудно. Автор статьи сводит дело к некоторым заблуждениям и иллюзиям наивных людей, искренне стремившихся реализовать свои высокие идеалы. Были, разумеется, и такие. Но не только...

У интеллигенции того времени имелось достаточно оснований обижаться на власть. Причем уровень притязаний «продвинутого меньшинства» был значительно выше, а его обиды — существенно острее, чем у интеллигенции в целом. При этом ему казалось, что стоит «всего лишь» сменить систему, как условия его существования резко вырастут, по меньшей мере, на порядок.

Немалую роль играли и карьерные установки. Кое-кому в то время, как говори-

лось тогда, «подфартило». Произнеся пару зажигательных речей в людном месте или напечатав статью в популярном журнале, можно было вмиг превратиться в политического деятеля высшего ранга. И некоторым это удалось. Отсюда весьма распространенное тогда в этих кругах стремление не просто избавиться от болезненных изъянов и неурядиц существовавшей общественной системы, но, не считаясь с интересами народа, полностью разрушить все созданное прежде.

«Продвинутое меньшинство» считало и считает себя неотъемлемой частью интеллигенции. Но подобный подход оправдан лишь в том случае, если рассматривать эту социальную категорию функционально — как совокупность лиц, получивших высшее образование и занятых преимущественно умственным трудом. Но в России, где родилось это понятие, в него изначально вкладывался еще и иной, дополнительный смысл. Интеллигент — это не только образованный человек, но и тот, кто сохранил тесные связи с народом, из которого вышел, осознает свои обязательства перед ним и делает все необходимое, чтобы помочь ему решать свои проблемы, улучшить его жизнь. Поэтому, по мнению очень многих, те, кто считают себя неизмеримо выше народа, а тем более относятся к нему с презрением, в полной мере к интеллигенции отнесены быть не могут. Это, в лучшем случае, российский вариант западных интеллектуалов или, говоря словами А.И. Солженицына, «образованцы». И не случайно основные отряды российской интеллигенции относятся к «продвинутому» с неменьшей степенью отстраненности, чем основная часть остальных граждан.

Сказанное выше несколько не умаляет значимости того феномена, который автор приведенной выше статьи именует «русской матрицей». Судя по его изложению, имеется в виду то, что в научном обиходе именуется общественным сознанием. Постараемся рассмотреть его структуру и динамику, ограничившись событиями сравнительно недавнего времени. Разумеется, что в кратком изложении многое из сказанного будет выглядеть как «непричесанные мысли».

Общественное сознание представляет собой многослойную, сложно структурированную, относительно стабильную систему. Ее составным элементам (пред-

ставлениям, предпочтениям, ценностям и т.д.) свойственна различная степень устойчивости, закрытости или, напротив, гибкости, приспособления к меняющимся условиям, определяемая как культурно-цивилизационными особенностями конкретного человеческого сообщества, так и спецификой его более позднего исторического опыта.

Тончайший поверхностный слой общественного сознания образуют настроения, в наибольшей степени подверженные конъюнктурным воздействиям и быстро меняющиеся в соответствии с переменами в объективной обстановке. Вместе с тем при определенных обстоятельствах и они приобретают некоторую устойчивость и сохраняются на протяжении нескольких десятилетий, а то и дольше. В этих случаях, особенно при быстрой смене основополагающих ситуаций, различия в доминирующих настроениях, свойственных различным возрастным категориям, существенно возрастают, поскольку они определяются не только биологическими причинами, но и серьезными различиями в содержательных характеристиках и типах первичной социализации. Все это крайне важно учитывать при оценке направленности политического процесса, поскольку он оказывает глубокое воздействие как на настроения, так и на поведение массовых групп населения.

Такая особенность общественных настроений в полной мере прослеживается при обращении к их структуре в России. При всей общепризнанной полярности массового сознания российского населения, определяемой социальными различиями, в его настроениях можно выделить своеобразный комплекс близких, совпадающих или идентичных настроений, содержание которых создает определенную общественно-политическую атмосферу. В основе этого комплекса лежат не столько традиции давних лет, ссылка на которые, как мы видим из статьи А. Пелипенко, вошла ныне в моду, сколько основополагающие события последних десятилетий, прочно отложившиеся в сознании живущих ныне поколений. Эти события четко распадаются на три этапа: закат советской эпохи, «лихие» 90-е гг. и неполные полтора десятилетия нынешней власти. Соответственно структурируется и накопленный опыт.

Последние годы советского периода

отложились в сознании многих (прежде всего, старших) поколений как время политической нестабильности, хаоса в институтах власти, бурного потока разоблачений, всеобщего дефицита всего того, что так важно для нормальной жизни, и, в конечном итоге, распада великой державы. Отсюда повсеместное утверждение, прежде всего у среднего поколения и тогдашней молодежи, массового негативного отношения к социализму как ценностной системе и общественному строю, отождествляемому с происходившим. Вместе с тем не была полностью вытеснена память о позитивных сторонах жизни того времени: об отсутствии безработицы, о социальных гарантиях, об образовании и досуге молодежи, о доминировавших морально-нравственных установках и т.д.

Во многом отрицательный след оставили после себя 90-е гг. Для тех, кто тогда обогатился, присвоив общественное богатство, либо сумел поживиться, используя в этих целях утвердившееся беззаконие и хаос, это было, безусловно, «золотое время». Но подавляющее большинство судит о нем иначе. Люди старшего и ставшего средним возрастом, как уже отмечалось выше, хорошо помнят все то, что тогда происходило: и прогрессирующую разруху снизу доверху, и полный паралич реального производства, и массовые увольнения, и повсеместную невыплату заработной платы, и чеченские войны и беспредел, творимый торжествующим криминалом, и многое другое. Поскольку у власти пребывали главным образом люди, именовавшие себя тогда «демократами» и «либералами» («продвинутое меньшинство»), в сознании значительной части граждан отношение к этой идеологии и к поддерживающим ее политическим силам перестало быть сколько-нибудь терпимым.

Отношение к власти, утвердившейся в последующие годы, долгое время оставалось двояким. С одной стороны, многие признавали, что ей, в конечном итоге, удалось положить конец анархии в политической сфере, затормозить развал народного хозяйства, обеспечить минимальную стабильность, приступить к восстановлению подорванных международных позиций государства. С другой стороны, нельзя было не считаться с тем, что политическая плата за все это оказалась крайне высокой. Поступательный демонтаж добытых в предыдущие годы скромных демократи-

ческих прав и институтов привел к утверждению в стране пусть мягкой, но вполне определенной формы авторитаризма.

Поскольку новая власть провозгласила себя консервативной, повсеместно началось административно стимулированное насаждение соответствующих постулатов. Страну как бы развернули лицом назад, в прошлое — то ли к XVII, то ли к XVI в. В обстановке, когда под влиянием обстоятельств репутация идеологий социализма и либерализма подувала и в стране утвердился идеологический вакуум, для консервативного ренессанса оказались распахнутыми все двери. Соответственно, на общественной и политической сценах появилось немало «доброхотов», делающих на этом карьеру.

Время, естественно, внесло в воспроизведенную картину некоторые коррективы. Прошли годы. Поостыли раздутые страсти, предревждения и обиды. Не столь безоговорочно враждебным стало отношение к временам Советского Союза. Многие отрицательные стороны эпохи 90-х потеряли в глазах современников былую актуальность.

Тем болезненней воспринимаются обществом все четче проступающие изъяны нынешних властных институтов: низкая эффективность их усилий, всевластие бюрократии, nepoтизм, коррупция, подковерная борьба клик и множество других не очень приятных качеств. В стране сложился социально недопустимый разрыв в уровнях жизни. Все это, естественно, не укрепляет репутацию власти.

Но кое-что работает и в ее пользу. В стране установилась пусть несовершенная, но стабильность, всерьез, хотя и не самым лучшим образом, заработала экономика, несколько улучшилось материальное положение массовых групп населения, сократилась до приемлемого уровня безработица, уменьшились масштабы крайней бедности, сохранены отдельные элементы прежней социальной политики.

Свою роль в формировании массовых настроений играют и некоторые дополнительные обстоятельства, прежде всего основанная на историческом опыте неприемлемость для большинства российских граждан любого рода насильственных действий, которые могли бы вызвать распад властных структур, анархию, вооруженное противостояние социальных и национальных групп.

В этой сложной и противоречивой обстановке складывается стержневая основа нынешних доминирующих настроений. Их основу, насколько можно судить, образуют следующие установки:

— представление, что сложившаяся в стране политическая система отражает интересы лишь богатой части общества, игнорируя потребности и запросы менее зажиточного большинства, и что исходящие от нее импульсы несут ему главным образом потери. Отсюда настороженное отношение к любым новым реформам, которые, согласно сложившимся взглядам, обычно меняют ситуацию к худшему;

— уверенность в том, что действующие ныне управленческие структуры некомпетентны и поголовно коррумпированы и что изменить эту ситуацию в обозримое время невозможно;

— устойчивое убеждение в том, что в сложившихся условиях не приходится рассчитывать на создание (или хотя бы частичное восстановление) в стране такой системы социальных амортизаторов, которая позволила бы каждому члену общества рассчитывать, что в качестве компенсации за его позитивный трудовой вклад в общее дело ему будут гарантированы приемлемые условия существования на всех этапах жизни;

— склонность верить в то, что в обществе, в основе которого лежит совокупность правонарушений, право не может считаться регулятором взаимоотношений между гражданами и поэтому с ним можно не считаться.

Естественно, что подобные настроения не могли не сказаться на бытовом, общественном и политическом поведении людей. Но представление, будто единственной формой их реакции должен стать силовой порыв к смещению власти, свойственное людям, витающим «в эмпиреях», не оправдалось и не могло оправдаться.

Наиболее естественной для России формой проявления недовольства властью всегда было отчуждение. Оно наличествовало даже тогда, когда властные структуры воспринимались как легитимные и располагали солидным политическим капиталом. Тем более велико такое отчуждение в нынешних условиях, когда у большинства населения страны есть достаточно оснований быть недовольными многими решениями, принимаемыми властью.

Специфической формой взаимоотношений между обществом и политическими институтами в условиях отчуждения является психологическое и практическое отторжение исходящих от них импульсов, представляющее собой развитие характерного для России неправового поведения. Нередко отчуждение принимают за инертность, пассивность и равнодушие не созревшей для гражданской активности «серой массы». Это представление в корне неверно. Отчуждение содержит в скрытой форме высокий потенциал не только недовольства, но и латентной гражданской активности, который по тем или иным причинам временно реализуется не в полную силу.

Отстраненность большинства граждан от радикальных, несистемных «завлекалок» — феномен ситуационный. Мелодии, которые в этой связи выводят, большинство не привлекают, тем более что сами

певцы нередко фальшивят. Но такая ситуация не может быть вечной. Если власть не перестанет постоянно раздражать общество своими экстравагантными инициативами, если ее борьба с коррупцией и некомпетентностью выродится в сценические постановки, а экономическая ситуация всерьез выйдет из-под контроля, может произойти всякое. А в этом случае, как свидетельствует и наш, и мировой опыт, отстраненность народа способна мгновенно преобразиться в решительный активизм. И возглавят его не нынешние несистемные оппозиционеры, а совсем другие, неведомые пока нам люди и стоящие за ними политические структуры.

Если это произойдет, то крайне важно, прежде всего для судеб самой России, чтобы этот поворот реализовался по каналам гражданского общества, а не переключился на них, выйдя за пределы конституционного поля.

ШАБРОВ Олег Федорович —

д.полит.н., профессор, президент Академии политической науки; заведующий кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС
oshabr@mail.ru

НЕОДНОЗНАЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «РУССКОЙ МАТРИЦЫ»

Социальная жизнь любого непервобытного общества протекает в треугольнике основных своих сфер — это экономика, политика (государство), культура. И если решение основного вопроса философии ищут в ответе на вопрос: «что первично — материя или сознание», — то в решении основного вопроса социального бытия принципиальным является ответ на вопрос о первичности одной из сторон этой триады.

В советское время основой, базисом, определяющим все остальные общественные явления, считалась экономика. И не без основания: попытки построить, например, современное государство в условиях доиндустриальной экономики — не более чем утопия. В этом смысле экономика действительно выступает по отношению к государству в качестве базиса, и отрицать это — значит противоречить очевидному.

Что касается российской культуры, то и ей в новых экономических и политических условиях суждено было преобразиться и стать сначала пролетарской, а позднее — советской.

В постсоветские десятилетия возобладал конструктивистский подход: первично государство. Вот выстроит оно правовую основу рыночных отношений, и экономика пойдет в рост. Не пошла. Под успокоительный рост ВВП Россия к середине первого десятилетия XXI в. из развитой индустриальной державы окончательно превратилась в сырьевой придаток Европы и Китая. Что касается культуры, то ее в революционном демократическом порыве в расчет и вовсе не взяли. Лишь к середине 90-х, когда стало ясно, что сшитый по западным меркам политический кафтан России не по фигуре, стали поправлять, но не политические лекала, а куль-

туру. Характерны в этом смысле рассуждения К. Кантора. «Необходимо преодолеть “коммунальность” как основу доминирующего в России типа культуры, — ставил он задачу перед политиками. — Россия не утратит своей идентичности, преодолев “коммунальность”, ибо останутся такие константы русской культуры, как этнос, язык, искусство, история, география, психический склад народа, который не сводится полностью к “коммунальности”»¹. Обращение к традиционным российским ценностям, предпринимаемое в последнее время, носит избирательный характер и выглядит больше как способ сформировать общественную поддержку официальному политическому курсу.

В статье А.А. Пелипенко сформулирован принципиально иной подход. Здесь в качестве базиса рассматривается культура. В ней закодирована программа политических изменений в России, она определила ход российской истории и предопределяет дальнейшую судьбу России. Надо сказать, что в этом автор следует логике не любимого им К. Маркса, по мнению которого, «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»². Только основоположник теории коммунизма, обозначив два основания государственного устройства, в дальнейшем посвятил себя рассмотрению его зависимости от экономического базиса, а А.А. Пелипенко в качестве первичного звена рассматривает культуру. Это составляет первое и основное, на наш взгляд, достоинство статьи, выгодно отличающее авторский подход от позиции конструктивистов, — как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

Второе и не менее важное его достоинство состоит в понимании культуры как феномена, специфически присущего конкретному обществу, народу. В отличие от К. Маркса (как видно из приведенной выше его цитаты) и большинства западных «цивилистов», рассматривающих культуру как феномен, развивающийся от архаичного состояния до ее современного воплощения в форме совокупности универсальных западных ценно-

стей, А.А. Пелипенко (применительно, по крайней мере, к России) формулирует свое представление о зависимости пути развития общества от его «культурной матрицы». И он прав: без признания цивилизационной специфики России, как и любого другого народа, невозможно ни глубоко понять ее историю, ни всерьез прогнозировать будущее.

Не следует, конечно же, принижать значение государства как системообразующего фактора существования и развития нации. Но не менее важным ее основанием является чувство национальной идентичности, которое базируется на общности социальных ценностей, составляющих глубинные пласты культуры общества. Ее значение особенно возрастает сегодня, в эпоху Постмодерна, когда глобализация и постиндустриальный технологический уклад ставят под вопрос государственный суверенитет, а миграционные процессы подтачивают социальное единство государства изнутри. Становится очевидным: государство в его современных формах все менее способно обеспечить существование нации как целостной социальной общности. Устойчивость нации-государства и государства как такового оказалась в зависимости от культурной общности социального целого. Существование самого государства все больше зависит от готовности людей сосуществовать в его рамках, от исторически формирующегося и объединяющего людей чувства общности судьбы, цементирующего культурное многообразие этносов и конфессий, примиряющего социальные группы с разнонаправленными интересами.

Позитивный и негативный опыт совместного проживания людей и групп, преодоления трудностей и достижения значимых целей формируется повседневной практикой и отражается первоначально в актуальной составляющей социальной памяти. В случае многократного повторения возникающее чувство общности и правила совместного поведения, запреты, отношение к государству и политической власти закрепляются и вытесняются в сферу неосознаваемого, приобретают значимость одной из социальных ценностей, становятся частью ментальной составляющей этой памяти, базовыми слагаемыми национальной культуры. Исследуя ее психологические

¹ Кантор К.М. 1996. Социокультурные причины российской катастрофы. — *Политические исследования*, № 3. С. 137.

² Маркс К. 1955. Критика Готской программы. — Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 19. С. 19.

основания, З. Фрейд верно подметил, что культура «покоится на результатах вытеснения предшествующих поколений и... каждому новому поколению предстоит сохранять эту культуру путем таких же вытеснений»¹. Можно определить культуру и, прежде всего, ментальную ее составляющую как вытесненную память поколений. В то же время вытесненное — не значит бездействующее. Ментальная, неосознаваемая часть национальной культуры оказывает большое влияние и на мироощущение, и на поведение человека, в т.ч. политическое.

Каждое сложившееся в нацию сообщество прошло свой путь от этноса или совокупности этносов до нации. Поэтому культура каждой современной нации имеет свою, связанную с особенностями прошлого специфику. Крупные нации или конгломераты наций, связанные общим прошлым, имеют и сходство культур, находящее выражение, в частности, и в преобладающей конфессиональной принадлежности. Таковы католическая Европа и отчасти США, конфуцианский Китай, исламские страны. Такие конгломераты представляют собой культурные общности, к ним применимо понятие цивилизации. Одна из таких цивилизаций — Россия.

На Востоке, народам которого больше свойственно чувственное восприятие мира, к ментальному относятся серьезно. Рациональный Запад, напротив, доверяет больше осознаваемому, актуальному. России же в силу ее особого исторического пути и геополитического положения как буфера между Востоком и Западом свойственна двойственность приоритетов восприятия, что в значительной степени лежит в основании противоборства между почвенниками и западниками, сопутствующее ей, как минимум, со времен Петра Великого, на что, по сути дела, обращает наше внимание А.А. Пелипенко. Многовековые связи — добровольные и вынужденные — этих двух не только географических частей света, но и двух ментальных оснований предопределили двойственный, не имеющий аналога характер российского человека.

Это дает основание говорить об особой российской цивилизации. Образно сфор-

мулировал эту мысль поэт-славянофил Ф. Тютчев: «Умом Россию не понять,/ Аршином общим не измерить:/ Уней особенная статъ —/ В Россию можно только верить».

Ту же специфику, но неприязненным, славянофобским языком выразил князь О. Бисмарк: «Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью».

С разных сторон они отразили иррациональность России, преобладание чувственности, созерцательности как одной из отличительных черт российской ментальности, унаследованной от восточной цивилизации. Преобладание чувственного способа восприятия над рассудочным, созерцательность российского человека предопределяют его восприятие мира как целого, не расчлененного на составляющие и дает ему определенные преимущества над рассудочным человеком Запада в интуиции, изобретательности, способности к самопожертвованию. Но предопределяет и недостатки, в т.ч. правовой нигилизм, на который нередко сетуют представители правящего класса, но который в равной степени присущ и ему. Сознание российского общества склонно оценивать происходящее в большей степени с точки зрения так называемого обычного права, апеллируя больше к справедливости, нежели к праву юридическому, формальному, воспринимаемому как внешнее, чуждое, необязательное.

Чувственное начало лежит здесь и в основе всякого объединения. На этом базируется традиционная русская общинность (коммунальность, по Кантору). В отличие от рационального Запада, русские склонны объединяться больше из потребности быть вместе, по «любви», нежели для получения выгоды или иного материального результата. «Без любви, — писал И. Ильин, — русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) — сами по себе ему мало свойственны. Без любви — он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и

¹ Фрейд З. 1992. К истории психоаналитического движения. — *По ту сторону принципа удовольствия*. — М.: Прогресс; Литера. С. 191.

верою»¹. Ослабление традиционных регуляторов не компенсируется в полной мере регуляторами формального права и влечет за собой ослабление социальных связей, цементирующих общество.

В подтверждение этой российской специфики полезно обратиться к истории двух ветвей анархизма, — индивидуалистической и коммунистической. В первой человек, прежде всего, эгоист, и объединение людей — это «ферейн эгоистов», образующийся оттого, что в одиночку человек не может реализовать свои эгоистические потребности. Во второй объединение людей — результат свойственной природе человека как существа общественного стремления быть в коллективе, община, которая возникает «по любви», из их потребности жить сообща². Примечательно, что основные идеологи индивидуалистического анархизма — П.-Ж. Прудон (Франция), Б. Такер (США), М. Штирнер (Германия) — мыслители западные. Авторы же анархистских учений коммунистического направления — М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, Н.И. Махно, Л.Н. Толстой — русские. И если самым строгим наказанием у Прудона и Такера были пытки и казнь, у Кропоткина это — изгнание из общины.

Отсюда особое понимание свободы как возможности служения общему делу. Замечательно выразил это свойство русской души А.С. Пушкин. «Пока свободой горим,/ Пока сердца для чести живы,/ Мой друг, отчизне посвятим/ Души прекрасные порывы!» — писал он П.Я. Чаадаеву.

Различие в понимании свободы в русской и западной «культурных матрицах» является фундаментальным. Свобода без духовного наполнения, в отрыве от идеи служения общему делу лишает смысла саму идею свободы.

Здесь коренится существенная трудность для российского гражданского общества и его отношений с государством, а также для формирования «цивилизованных» (по западному типу) демократии и рыночных отношений. В российском, позаимствованном у Запада либерализме, противопоставившем личность интересам общества и не ограниченном, как там, «табу» про-

тестантской этики, нормы справедливости оказались вытесненными нормами девиантных отношений — «понятиями», широко используемыми даже в лексике политиков. Рынок бездуховен, и поэтому либо вытесняет российского человека на обочину экономического процесса, либо стимулирует не ограниченное социальными нормами стяжательство.

Отсюда и особый характер отношений российского общества с политической властью. Они тоже в значительной степени иррациональны. Демократические выборы, дающие сегодня рациональное основание легитимации власти на Западе, не столь важны здесь, как традиция и харизма.

Еще одна особенность России, наложившая отпечаток на ментальную часть ее сознания, — необъятные просторы. «Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и не развита была самодеятельность классов и групп. Нелегко было поддерживать величайшее в мире государство, да еще народу, не обладающему формальным организационным гением»³. Приведенная мысль Н.А. Бердяева указывает на сочетание двух важных для понимания российской ментальности исторически сложившихся обстоятельств.

Первое: мысль, что российский народ не обладает «формальным организационным гением» в силу созерцательности своей природы, подкрепляется распространенным среди историков мнением, встречающимся в летописях и обобщенным В.О. Ключевским, о роли варяжских князей в становлении Киевской, а затем и Верхневолжской Руси: государственность изначально привнесена в Россию извне. Государственная власть и сегодня воспринимается здесь как нечто внешнее. Политическое отчуждение заложено в российской культуре, оно не только может насаждаться «сверху» — оно присуще массовому сознанию, идет и «снизу», а это существенно расширяет свободу элит в проведении социально-политических

¹ Ильин И. 1992. О русской идее. — *Наши задачи*. Париж-Москва.

² Подробнее см.: Боровой А. 1906. *Общественные идеалы современного человечества: Либерализм. Социализм. Анархизм*. — М.: Логос.

³ Бердяев Н. 1990. *Судьба России*. — М.: Мысль, 205 с.

экспериментов. Оно же несет в себе и опасность как для общества, так и для самих элит. Заторможенность политической обратной связи как следствие этого отчуждения неоднократно в истории России порождала у правящих классов иллюзию социального согласия, естественным образом влекла за собой накопление ошибок управления, нарастание внутренних противоречий с последующим социальным взрывом. «Русские медленно запрягают, да быстро ездят», — в этих словах, приписываемых тому же О. Бисмарку, отражено данное свойство российского характера, требующее особенно тонких механизмов обратной связи, чувствительных к состоянию масс, и понимания лидерами их подлинных настроений.

Второе: российские просторы и связанное с этим природное разнообразие, помноженное на полиэтничность и поликонфессиональность, затрудняют чувственное восприятие страны как целого, препятствуют формированию национальной идентичности. Это порождает потребность в сильном централизованном государстве, способном, с одной стороны, скрепить это разнообразие в единое целое, а с другой — служить в качестве символа целостности, через который формируется чувство идентичности со всей страной. «Россия, — писал И.А. Ильин, — росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости или к политическому рабству, как думают многие на Западе, но потому, что государство в его понимании должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице, — живом, созерцаемом, беззаветно любимом и всенародно “созидаемом” и укрепляемом этой всеобщей любовью»¹. Попытки актуализировать «записанную» на ментальном уровне памяти российского общества потребность в сильном централизованном государстве могут дать позитивный, консолидирующий результат лишь при условии, что это государство является носителем вдохновляющих духовных смыслов.

Этим определяется склонность российского человека персонафицировать власть. Если на Западе политическая система консолидируется институтами, то в России институты не играют определяющей роли, они формальны и слишком

абстрактны для восприятия через ощущение и потому вторичны по отношению к лидерам, которые служат символом национального единения и указывают цель. Отсюда — специфичный для России процесс легитимации и делегитимации власти. Институты и идеология власти в традиционном смысле (левые — правые) для российского человека вторичны. Вторичны также идеологические и правовые источники легитимности и соответствующие социальные ценности, с которыми общество соотносит политическую власть. Легитимация, так же как и делегитимация власти начинается в России главным образом с персонального уровня и по нравственному основанию.

Отношение российского общества к государству как внешней силе, «нанятой» для защиты от внешнего врага и внутренних распрей, проявляется в его патернализме. Но природа этого патернализма иная, не та, как ее трактуют на Западе. Она идет не от «рабской» природы, а от нежелания выполнять чужую работу, которая к тому же чужда созерцательной природе российского человека. Он готов терпеть от правящего класса притеснения и несправедливость, материальные лишения в обмен на выполнение «общественного договора». Когда же становится ясным, что этот договор не исполняется и нет надежды на «исправление» правящего класса, на повестку дня встает неприятный для него вопрос о замене управляющих.

Разумеется, все это свойственно «почве» в противоположность «западничеству», а значит, этим российская культура не исчерпывается. Но в том-то и дело, что именно «почва» составляет основу «русской матрицы», и лишь в условиях, когда западный строй души овладевает сознанием правящего класса, в России начинаются этапы реформ, когда политическая элита преодолевает сопротивление социальной массы, в котором рано или поздно увязает, и тогда наступают периоды контрреформ. Хорошо это или плохо?

А.А. Пелипенко оценивает однозначно: плохо. В его понимании это антиисторизм. Ибо явно или неявно ценности западной цивилизации для него универсальны, движение к ним составляет сущность истории. Но главная проблема, обозначенная им, от этого не исчезает. Это проблема сохранения России

¹ Ильин И. 1992. Указ. соч.

как социального целого. Нынешние реформы, похоже, не имеют прецедента в прошлом. В том смысле, что правящим классом не предложен проект, способный вдохновить и сплотить российское общество. Напротив, он создал неприглядную политическую конструкцию, пронизанную коррупционными отношениями, и все больше демонстрирует склонность к стяжательству. Последовательная десакрализация политической власти лишает идею служения всякого смысла, поэтому дарованные ею «свободы» не раскрепощают созидательную энергию масс. Сам же правящий класс никак не определится с выбором «культурной матрицы» и мечется между российской традицией и западными ценностями в поисках устойчивости своего политического положения.

И дело не в «русской матрице», столетиями дававшей российскому обществу

силы противостоять как внешней угрозе, так и внутренним раздорам и междоусобицам. Проблема коренится в нынешнем правящем классе. В отсутствие сильного и одухотворенного, пассионарно заряженного центра обостряется проблема национальной идентичности, и на первый план выходят идентичности более низкого уровня: этнические, конфессиональные, клановые. А это, как неоднократно подтверждала российская история, включая советскую, не только влечет за собой периоды «смуты» и политической нестабильности, но ставит под вопрос целостность Российского государства. Удастся ли на этот раз предотвратить «развод», прогнозируемый А.А. Пелипенко, и сохранить остроту естественного для России противоречия между «западниками» и «почвой» в тех пределах, когда оно является источником развития, — покажет время.

Андрей ПЕЛИПЕНКО

КОД К «РУССКОЙ МАТРИЦЕ»

Отзываясь на статьи уважаемых участников дискуссии, я должен, прежде всего, кое-что пояснить относительно исходной статьи и моей позиции как таковой.

Во-первых, изначально статья писалась для газеты, которая по вполне понятным причинам побоялась ее печатать. Этим объясняется ее (статьи) полемический стиль, более соответствующий публицистическому, нежели научно-академическому подходу.

Во-вторых, термин «матрица» в гуманитарном контексте не является строго научным, и потому я не считал нужным специально его фундировать.

В-третьих, изначально ограниченный размер статьи не позволил мне затронуть многие действительно важные вопросы, группирующиеся вокруг центральной темы.

В четвертых, хочу развеять ложное представление о моей мировоззренческой позиции, которое сложилось у большинства моих оппонентов, зачисляющих всех

критиков русского традиционализма в либералы (иногда даже с приставкой «ультра»). Так вот, я не либерал, ибо считаю либерализм в современном мире нисходящей, рецессивной системой взглядов и ценностей. Вопрос об альтернативе требует отдельного и серьезного разговора, поэтому темы этой касаться не буду. Хочу лишь подчеркнуть, что хорошо бы все же избавиться от манихейской привычки автоматически записывать в либералы всех критиков российских культурных стереотипов. Признаюсь, меня несколько задело причисление к единомышленникам А. Янова, с которым мне доводилось довольно жестко полемизировать, не говоря уже о зачислении в обливаемое презрением «продвинутое меньшинство», на которое навешивается вина за все беды современной России. Впрочем, это мелочи.

Кроме того, целый ряд приведенных в статье утверждений был понят неправильно. К примеру, говоря об антиисторизме русского народного сознания, я

вовсе не имел в виду влияние России на общий политический контекст. Отрицать последнее было бы абсурдно. Речь шла об антиисторизме самого сознания. Оно мифологично, фольклорно и лишено исторического понимания времени с его необратимостью события и аккумуляцией социокультурного опыта. Специфику такого сознания, бегущего от «ужаса истории», описал еще М. Элиаде в работе «Космос и история». Здесь контрдоводы критиков бьют мимо цели. То же и с антиличностностью. Эмпирически личности есть в любом обществе, и в российском в т.ч. Другое дело, каков их статус, положение и т.д.

Оставляю также в стороне многочисленные передергивания, когда мне вменяются слова и мысли, которых в статье нет.

Мне понятна мысль Ю.С. Пивоварова о том, что своеобразие российского исторического опыта не следует рассматривать как девиацию. Да, по-своему он нормален, ибо в сложившихся обстоятельствах не мог быть иным. Так, для горбуна горб — совершенно нормальная и, более того, жизненно необходимая вещь. Но с точки зрения общеантропологической нормы горб — патология. Антиантропность культурно-цивилизационной модели — первый признак ее глубокой патологичности.

Полностью соглашусь с критиками в том, что главная мысль статьи — идея развода двух Россией — не может сейчас обсуждаться в практическом плане. Но здесь самое важное — вбросить идею в поле общественной дискуссии, хотя бы в упрощенно-заостренном виде. Когда общество осознаёт цель или необходимость неких изменений, то, как правило, находит и инструменты решения. Сейчас считаю исключительно важным донести до общественного сознания идею окончательного исчерпания общих культурных кодов у русской Европы и русской Азии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ни больше, ни меньше. Чтобы эта позиция стала более понятной, требуется хотя бы бегло остановиться на некоторых моментах, оставшихся за рамками исходной статьи.

Ускоряющееся приближение очередной (последней?) исторической развилки вновь ставит перед Россией вопрос о стратегическом будущем. Но, как ни странно, серьезные разговоры об этом почти не

ведутся. Глубина проектирования будущего обычно не простирается дальше разговоров о конституционной или судебной реформе, переделе собственности в связи с пересмотром итогов грабительской приватизации начала 90-х, об ограничении возможностей исполнительной власти и т.п. Все эти вопросы, несомненно, важны, но они не затрагивают главную проблему: историческую стратегию развития страны. Какова если не конечная цель, то хотя бы направление, в русле которого страна могла бы развиваться в органичном единстве с авангардом мирового сообщества? У традиционалистов ответа нет. Вернее, их ответ заключается в максимально долгом сохранении существующего положения дел. Ведь не обсуждать же всерьез демагогический вздор о пресловутом особом пути? Куда, собственно, ведет этот самый особый путь? И у кого он не особый? Набор напыщенных мессианских мифов, которым обычно отвечает на этот вопрос российский традиционалист, может быть интересен либо ученому-фольклористу либо врачу-психиатру. В реалистическом ключе здесь обсуждать нечего. Отсутствие ответа на вопрос: «что дальше?» — порождает растерянность, в которой пребывает российское общество, начиная с начала 90-х, и которая явно не проходит без ущерба для психического здоровья нации.

Прежде всего, следует задать себе вопрос: что мы имеем в виду, говоря о России? Территорию? Население? Политическую систему? Совокупность социокультурных традиций? Для носителя традиционного сознания, помимо перечисленного, есть еще мистическая Русь/Россия, пребывающая в некоем надмировом пространстве или даже объемлющая собой последнее. Земная же Россия представляется такому сознанию единой и неделимой матрицей, всегда равной самой себе независимо от изменений политико-географического ландшафта. Поддаваясь гипнозу этого мифа, даже рациональное сознание нередко упускает из виду, что историческая Русь/Россия постоянно меняла свою геополитическую конфигурацию, этнический состав, идеологические доктрины, не говоря уже о вариациях краткосрочных исторических конъюнктур. И «дыра размером с СССР» — явление более чем закономерное. Изменения геополитического формата происходили всегда и будут происходить впредь: неприкосновенных

границ в истории не существует. И относиться к этому надо спокойно: без истерического заламывания рук и фетишизации доктрины территориальной целостности. Важно, однако, понять, почему даже самые ничтожные ее нарушения вызывают в традиционном сознании столь бурные нервно-воинственные реакции? Дело, видимо, в том, что даже символическая потеря территории мистическим образом умаляет корневую и самоценную идею, на которой держится мир русского традиционалиста — идею господства. Она — ментальный фундамент того, что собирает все компоненты социокультурной системы в устойчиво воспроизводящее себя целое — «русскую матрицу» (РМ). Ее основные компоненты, коротко говоря, таковы.

1. *Имперство* как наиболее адекватное воплощение русской идеи господства. Под имперством имеется в виду идеократический проект установления должного мирового порядка в форме безраздельного господства везде, где только возможно. Наиболее ясно эта доктрина была артикулирована в идеологии коммунизма и максимально реализована в СССР на пике его могущества. В отличие от империй колониальных, империя теократическая всегда преследует заведомо недостижимые метафизические цели, принося им в жертву все имеющиеся ресурсы, и прежде всего человеческие. Смысл существования для человека в РМ — служение делу империи и растворение своей экзистенции в ее метафизическом величии. В понимании жизни как служения опять же нет ничего специфически русского. Но особенность РМ в том, что она, на азиатский манер, последовательно отторгает те формы служения, которые утвердились в культуре западного Нового времени. В этом смысле РМ порождает парадоксальный тип антиантропной цивилизации.

2. Второй ее отличительной чертой выступает *аниличность*. Под личностью понимается не всякий индивидуум вообще, но особый культурно-антропологический тип, для которого служение облекается в формы свободной творческой самореализации. Этим ново-европейская личность отличается от всех иных культурно-исторических типов. Счастливое равновесие нисходящей парадигмы служения и восходящей линии индивидуализма породили сверхпродуктивный феномен Запада — культурно-

цивилизационной системы, выстроенной «под личность». В XX в. идея служения угасла, и ничем не сдерживаемый индивидуализм доходит на наших глазах до своей крайности. В этом глубинная причина системного кризиса антропоцентрического Запада. Но речь сейчас не о нем. В РМ личность всегда была маргинальна, подавляема и подозрительна. Ее существование допускалось исключительно на условиях служения: власти, отечеству, богу, «обществу». Развитие в обществе личностного самосознания — первейшая опасность для РМ, ибо личность, переживая любого рода противоречия как свои внутренние, не нуждается ни в «большаке», ни в каких-либо иных внешних и принудительных регуляторах. Личность регулирует себя сама, в корне дезавуируя идею внешнего по отношению к ней управления. Поэтому независимая личность для РМ крайне опасна, и она не без успеха вытравливает и вытаптывает ее на российской почве. Достаточно обратить внимание на то, с каким остервенением российская власть давит любые общественные инициативы (например, волонтерство) или не позволяет сложиться полноценному институту частной собственности.

3. Специфическая для РМ идея господства порождает соответствующий тип властных отношений. *Самовластие* — еще одна отличительная черта РМ. Власть в РМ пребывает вне моральных ограничений, над любыми законами, ее поведение по природе своей не подлежит рационализации. При этом власть в РМ неизменно персонифицирована. Традиционный русский вопрос: «кто будет?» — держится на полубессознательном представлении о власти как о мистическом медиуме с высшими сферами. А медиум — шаман, пророк, жрец — непременно должен быть персонифицирован, что, впрочем, отнюдь не требует от него быть личностью. Лучше даже ею не быть, ибо развитое личностное сознание — не самое полезное качество для того, кто транслирует в грешный мир флюиды священной истины. Властный субъект в РМ тоже пребывает в парадигме бессознательного служения идее господства. Власть в России отдают, за редким исключением, вместе с жизнью. Те, кто ушел из власти не вперед ногами, а был «по-хорошему» отстранен, мигом «сдуваются» и, как правило, долго не живут.

Порожденная РМ власть принципиально неспособна к диалогу с обществом, поскольку не видит в нем субъекта. Оно для власти всегда лишь объект манипуляций. Разговор власти с обществом — это не диалог, а монолог, содержанием которого выступает властное волеизъявление. Иллюзия полной управляемости подвластных на излете исторических циклов РМ неизменно приводит власть к неадекватному поведению и, в конце концов, дорого ей обходится. Но по-другому она не может, и поэтому не стоит тратить усилия на установление с ней равноправного диалога. С властью в РМ можно говорить только с позиции силы: иного языка она не слышит и не понимает. Надо ли говорить, что апофеозом такого типа властвования является сталинизм?

Раскол, постоянное перетягивание каната между властью и подвластными, протекающее то в вялом, то в бурном режиме, настолько вошло в привычку, что стало важной частью культурной идентичности. Это болезненное мироощущение стало преодолеваться лишь в последних городских поколениях, но в целом еще достаточно сильно.

Итак, чтобы представить будущее РМ, следует, прежде всего, понять, в каком положении она находится сейчас. Оплачивая движение к пику своего могущества все более дорогой ценой, РМ в XX в. наконец надорвалась экзистенциально и демографически. Точкой перелома стала Вторая мировая война с ее неизмеримыми жертвами и пришедшее вскоре после нее окончательное понимание нереализуемости плана всемирного господства под флагом построения коммунизма. Ускоряющаяся деградация системы закономерным образом привела к развалу СССР в 1991 г. Средневековое Должное — становой хребет идеократических проектов РМ — умерло, и в этом состоит главный исторический итог ельцинской эпохи. Должное умерло, но не исчезло. Сумерки должного 90-х гг., породив невыносимую для традиционалистского сознания идейную невяницу, с приходом Путина сменились его (Должного) реанимацией. Однако, поскольку эпоха идеалов необратимо сменилась эпохой интересов, эсхатологический миф исчерпался, а современный информационный контекст, мягко говоря, не способствует консервации агрессивно-изоляционистских инстин-

ктов имперского сознания. Реанимация Должного могла принять только вид симулякра — фальшивки, пустышки, имитации. Ощущение нестерпимой фальши и пустоты, помноженное на безотчетную боязнь будущего, переполняет общественное сознание, выливаясь наружу то злобной истерикой «патриотизма» и ксенофобии, то эпидемией конспирологии, то угрюмой безысходностью существования, лишенного «больших смыслов». Мне скажут: все это лирика, психология, настроения! Куда важнее говорить о ценах на нефть и макроэкономических показателях. Нет. Все ровно наоборот. Нефтяные костыли помогли РМ в нулевые годы сделать несколько шагов против течения истории, как в свое время помогли они продлить и брежневское безвременье. Но исторический ресурс РМ стратегически исчерпан. В современном мире борьба и соперничество систем ведется на совершенно иных основаниях. Здесь у «великой сырьевой державы» будущего нет, не говоря уже о том, что и сырьевое величие доживает последние годы.

Но есть и более глубокие причины этой исчерпанности. Важен здесь и сам характер противоречий, который определяет фронтиры противостояния систем в XXI в. Нынешняя ситуация отмечена системным кризисом глобальной культурной парадигмы, утвердившейся в осевую эпоху, — парадигмы логоцентризма. Современный человек — продукт логоцентрической культурной системы. Любого рода упорядочивающие принципы и системы нормативности — от моральных установлений до социальных статусов, — хотя и имеют более древние основания, верифицируются тоже логоцентрически. Все дискурсы книжно-письменной культуры — тоже логоцентризм, а опять же не что-то, универсально присущее человеку. В современном мире разворачивается борьба между восходящими силами нового постлогоцентрического культурно-цивилизационного качества и нисходящими силами логоцентризма. Борьба эта — между «людьми слова» и «людьми цифры», между принципом метафизики и принципом релятивизма, между принципом упорядоченного единства и отсутствием генерализующих принципов в чем-либо вообще. Силы отстающего логоцентризма возглавляет радикальный ислам. Этот культурный тип принципиально не

модернизируем, и отступать ему некуда. На своих средневеково-логоцентрических позициях он будет стоять до конца. Россия со своей РМ тоже в целом принадлежит к логоцентрическому лагерю. Но, в отличие от исламской цивилизации, здесь нет такой «чистоты жанра». Культурно-цивилизационное качество здесь выражено менее цельно и монолитно. Позиции весьма типологически близкой к исламу православной конфессии гораздо более слабы, и девственность средневекового мироотречения многократно нарушена искусством модернизации.

Проклятие России – в ее дурной бескачественности, межеумочности. Ни восточной религиозности, ни западной секулярности. В РМ скорее не власть от Бога, а Бог от власти. Отсюда особый феномен российского холуйства – готовности легко переступать любые божеские и человеческие законы в желании во что бы то ни стало исполнить самые дикие и преступные прихоти власти. Веками пребывая в положении «ни то ни се», дух тоскует по определенности, и оттого в российской ментальности так плохо обстоит дело с разработкой срединных смысловых зон, о чем, впрочем, кто только ни писал. А в общеисторическом масштабе межеумочная позиция между Востоком и Западом сыграла с Русью/Россией злую шутку.

Вырастая из общих оснований средневекового логоцентрического монотеизма, и католическая Европа, и христианский Восток (прежде всего, православно-византийская его часть), и мир ислама имели единый мировоззренческий фундамент. Суть его состояла в ключевой бинарной конструкции, включающей в себя два взаимно противопоставленных космологических полюса с множеством изофункциональных семантических коррелятов: добро/зло, творец/творение, бог/дьявол, небесное/земное, должное/сущее и др. Снятие означенной оппозиционности на высочайшей ступени синтеза осуществлялось в духовном Абсолюте – своеобразном псевдониме самой культуры или, точнее, главном модусе ее существования в постосевую эпоху. Одним из важнейших аспектов этой дихотомии был дуализм пессимизма мироотречения и эсхатологического оптимизма. Между образом погрязшего во зле и грехе мира и образом эсхатологического рая образовалось мощнейшее «силовое поле», приводящее

в движение механизмы культурогенеза и смыслообразования. Но культурная динамика, инициируемая этими силами, оказалась направлена по-разному. В исламе оба полюса в целом остались на прежних местах и в XX в.; некоторые трансформации обозначились лишь в последнее время. Поэтому в глобальном культурно-мировоззренческом смысле мир ислама продолжает жить по средневековым часам и в режиме следования средневековым логоцентрическим ценностям.

Католическая Европа пошла по пути глобального преобразования системы: трансформировались оба полюса. На протяжении всего Средневековья между исходными полюсами средневекового космоса в силу реализации заложенной в раннем христианстве потенции антропологического максимализма развивалась третья, пограничная медиативная зона – антропная, связанная с собственно человеческим миром и его имманентными проявлениями. Постепенно антропная зона разрасталась за счет территории макрополюсов – божественного и дьявольского, и, в конце концов, к XV в. началась глобальная трансформация всей культурной системы. Ренессанс, оправдав человеческое тело, нанес смертельный удар по мироотречению, а Реформация и Просвещение завершили процесс преобразования средневековой культурной системы в нечто совершенно инокачественное. Европейский Модерн не только полностью оправдал все проявления человеческой природы, но и постепенно «перекачал» в человека все атрибуты божественного Абсолюта (как, впрочем, и противоположного полюса – дьявольского), подточив тем самым основы религиозной эсхатологии. В XIX в. нишу прежней христианской эсхатологии заняла мифологема социальной утопии и идеалов общественного блага. Отсюда и радикальное падение значения традиционного религиозного сознания и теологии в XX в. Особенно во второй его половине мировоззренческие доминанты, связанные с антропологическим максимализмом и минимализмом, слились во взаимопогашение и перестали создавать продуктивные социокультурные противоречия. А со смертью традиционной метафизики эта проблема вовсе потеряла фундаментальный смысл. Так, «заточенная под личность» антропоцентрическая цивилизация Запада, предоставив последней

(разумеется, в идеале) свободу творческой самореализации, одновременно подарила обывателю культ комфорта вкупе с идеологией бесосновательно раздутой самости. Впрочем, о проблемах Запада следует говорить отдельно.

Россию как варварское продолжение византийской цивилизации с ее восточным христианством постигла иная, пожалуй, наиболее печальная историческая участь. Срединная зона между системообразующими полюсами так и не развилась. В постсредневековую эпоху полюс мироотречения остался на месте, в то время как полюс эсхатологии, претерпев серию последовательных деструкций, разрушился. «Лебединой песней» эсхатологической традиции в XX в. выступила идеология коммунизма, распространившаяся далеко за пределы восточнохристианского ареала. В результате историко-культурный процесс, связанный после падения Византии с Россией и затем с СССР, приобрел сложные, противоречивые, своего рода «кентаврические» черты. С одной стороны, культурное сознание сохранило средневековую основу, с другой же — под влиянием Европы впитало искус модернизации. Вследствие этого произошел «сбой исторических часов», вызвавший не только калейдоскопическое смешение восточных и западных культурных элементов, институтов и традиций, но и глубокий и, похоже, неизбывный общественный раскол: прежде всего, в российском, советском и постсоветском обществе. Эсхатология умерла, а дух мироотречения остался. Оттого мир в русском традиционном сознании предстает безысходной юдолью печали, а жизнь — лишеной смысла, ибо реальность неисправима, а скачка в рай уже точно не будет. Эти глубинные и плохо отрефлексированные умонастроения не лечатся пропагандистскими кампаниями, там более что никакой эсхатологической доктрины в них не содержится.

Циклы мифологического времени члениятся сменой власти — космизирующего субъекта и источника всякого бытия. Приход нового правителя знаменует очередное обнуление времени и ритуальное обновление космоса, когда жизнь начинается с чистого листа, а весь накопившийся исторический опыт сбрасывается, как ветхая одежда.

Нетрудно заметить, что Западной

Европе на протяжении всей ее послеевангельской истории противостояла империя. Империи как удавшегося идеократического проекта на Западе не было, как не было и устойчиво воспроизводящегося имперского сознания — а именно оно и есть главный критерий «имперскости». Вплоть до конца Средневековья Европа грезилась о возрождении римского величия, одухотворенного христианской утопией. Ближе всего к образу полноценной империи подошли испанские Габсбурги. Но и здесь имперские тенденции не победили. Имперско-теократические претензии испанцев в Европе расширились об авангард буржуазной революции — Голландию и Англию. А за эти имперские претензии Испании пришлось заплатить долгим периодом унижения и прозябания на задворках Европы, окончившимся лишь в XX в. после падения режима Франко. Не сложилось имперское сознание и у Габсбургов австрийских, хотя времени было, вроде бы, достаточно. Распад Австро-Венгрии прошел на удивление безболезненно и не оставил австрийцам никакого дурного наследия в виде пресловутого имперского комплекса. Не было имперского сознания ни у французов, ни у англичан, ни, тем более, у бельгийцев или голландцев. Колониальные империи — это явления совершенно другого порядка нежели империя как теократический проект. Последним всплеском собственно имперской идеи в Европе был разве что гитлеровский Третий рейх, едва продержавшийся 12 лет.

Таким образом, в Европе были имперские тенденции, служившие внутренней диалектической антитезой генеральной доминанты — процесса формирования национальных государств. А вот извне Европе постоянно противостояла настоящая (состоявшаяся) идеократическая империя. Сначала это была Византия, затем — Арабский халифат, взлетевший на фоне съезживающейся, как шагреньевая кожа, Ромейской державы. Затем эстафету всемирной по претензиям империи приняли турки, а с XVI в. подоспела и Московия, провозгласившая себя Третьим Римом не только в духовном, но уже и в политическом смысле.

В широкой исторической перспективе Русь/Россия и Европа связаны последовательно развивающийся диалектикой взаимодействия, взаимоотрицания и

взаимоформирования. От синкретической близости к Европе в эпоху Киевской Руси, через нарастающий византизм и антилатинство владими́ро-суздальских, а затем московских князей к идее Третьего Рима и вполне зрелой имперской деспотии Ивана Грозного шел путь подспудного вызревания диалектической анти-тезы европеизму, который в муках и коллизиях неуклонно возвращал цивилизацию буржуазных наций. С эпохи Ивана Грозного Русь обозначилась для Европы в качестве внешней имперской антитезы, и диалектическое противостояние приобрело уже вполне выраженный характер. Шаг за шагом укрепляя свое имперство, с такой железной последовательностью обходя любые альтернативы, что в одном этом можно найти убедительнейшие оправдания самого радикального исторического детерминизма, Московия наращивала геополитическое взаимодействие с Европой и, по крайней мере с эпохи Петра, заняла позицию противостоящей ей империи.

Запад трансформировал раннебуржуазное цивилизационное качество в систему либеральной демократии. Идеократическая империя, изжив православную догматику, трансформировалась в империю советскую, перекодировав нетрансформируемый образ власти из православного монарха в партийного вождя, великое царство – в коммунизм, богоизбранный народ – в избранный социальный класс-гегемон и т.д. В этом, если продолжать рассуждать в духе исторического детерминизма, и заключался главный императив обновленной на марксистский лад идеократии.

Хитрость исторической диалектики заключается в том, что за нарастающей остротой противостояния, приходящей на смену первоначальной синкретической нераздельности, плохо просматривается макроисторическая комплементарность. С распадом СССР глобальная историческая диалектика противостояния/комплементарности России и Запада оказалась снятой. И после этого, говоря словами Гегеля, отпавшие от фронта движения истории формы предоставлены своей собственной диалектике. Для России, выполнившей полностью свое историческое предназначение, эта диалектика оказалась весьма драматичной. Дух развития покидает Россию постепенно, оберегая от

смертельных катаклизмов и предоставляя шансы вскочить на подножку уходящего поезда. Но шансы не используются, время растрачивается, и темпы ухода «духа» нарастают.

Все это имеет самое прямое отношение к вопросу о том, в каком положении сейчас находится РМ.

Стагнационные сценарии могут протекать быстрее или медленнее в зависимости от частных геополитических и экономических обстоятельств, которые в принципе нельзя предугадать заранее. Но их общая суть в том, что все социальные подсистемы на фоне прогрессирующей депопуляции коренных народов, прежде всего русского, пребывают в состоянии прогрессирующей деградации. При этом ползучая исламизация и изменение этнического состава стареющего общества приведут РМ к перерождению в «азиатскую сторону». Я говорю именно о РМ, а не о стране или территории: геополитическая конфигурация России изменится при любых сценариях.

Если общество не найдет в себе силы преодолеть историческую инерцию, то вялый дрейф в сторону задворков современного мира возможен, условно говоря, по византийскому сценарию. Точный его рисунок обрисовать, разумеется, невозможно. Но поучительно вспомнить, как в поздней Византии турки освоились настолько, что ромейские интеллектуалы уж перестали видеть в них опасность и психологически смирились с их наступающим господством, полагая, что с ними всегда можно будет договориться. Дальнейшая история показала всю наивность этих надежд. Конечно, любое сравнение хромает, но приходящая с мигрантами ползучая исламизация и кавказский тупик заставляют внимательней присматриваться к историческим аналогам закатных эпох империй.

В контексте обсуждения стагнационных сценариев важен вопрос: может ли РМ сделать еще один виток? Еще раз перелицевавшись, породить симулякр симулякра? Если поднапрячь воображение, то нечто подобное представить можно. Просто следует помнить, что исторические циклы РМ – это не заколдованный круг, а все же спираль. И каждый следующий цикл короче предыдущего, а их завершение – окончательный коллапс. Советский цикл занял 70 лет, что существенно меньше

предыдущего. Нынешний, криминально-бюрократический — исчерпал свой исторический лимит после турбулентности 90-х еще быстрее. Главная же причина разложения РМ — в духе индивидуализма, партикуляризма и частного интереса, который, проникая во все поры общественных отношений, вытесняет парадигму сопричастности к «большаку» (т.е. власти) и жертвенного служения делу империи. Конечно, шлейф будет тянуться еще долго, но молодое поколение все чаще «выбирает пепси». Русский индивидуализм — не буржуазный, а варварский: ему чужд дух протестантской этики. Его национальная идея — халява. Но наряду с этим есть уже и сектор вполне вестернизированного мировоззрения и вполне буржуазного индивидуализма. Уже сложилась, особенно в больших городах, категория людей, которые не хотят и не могут жить в РМ. И напрасны надежды режима на то, что их можно запугать или выдавить в эмиграцию. Более того, становится как никогда ясно, что азиатской и европейской (не в географическом, повторю, а в цивилизационном смысле) Россиям вместе более не ужиться, у них нет более общих культурных кодов, и единственное, что их связывает, это долгая привычка друг друга терпеть.

Если чрево РМ способно родить еще одну матрешку, то совсем маленькую, жизнь которой будет измеряться разве что несколькими годами или, что более вероятно, месяцами. Здесь очень многое зависит от того, до какого градуса дойдет противостояние в обществе. И ценой ее ухода будут крупномасштабные социальные потрясения. Такое развитие событий делает более вероятными иные сценарии будущего — трансформационные. Иными словами, выбор, стоящий перед Россией, может быть метафорически сформулирован так: или общество находит в себе силы вырваться из дурной колеи циклов РМ и, как бы это ни было больно, сломать неправильно сросшиеся после вели-

кого перелома 1917 г.¹ кости, или коротать недолгий исторический век калеки и уroda в обломках РМ. Чтобы иметь будущее, надо выбирать первое, но вероятнее всего ювенильное сознание российского большинства, которое в начале нулевых вновь прельстилось имперской химерой, в очередной раз выберет бегство от ужаса истории в патерналистский миф. Однако, говоря об интеграции российского Запада в европейскую цивилизацию, следует учитывать усугубляющийся кризис западного мира. Я имею в виду кризис не финансово-экономический, а общекультурный и цивилизационный. Не имея возможности подробно углубляться в эту важнейшую тему, отмечу лишь то, что вожделенное для нескольких поколений российских западников вхождение в Западную Европу сейчас вряд ли актуально. Более реалистичным и даже более предпочтительным предстает путь интеграции в Европу Центральную. Проект Модернити, придя в этот регион с опозданием и утвердившись с большими, вызванными известными историческими обстоятельствами затруднениями, не исчерпал еще своего потенциала. Поэтому на центральноевропейской почве возможно его продолжение или, точнее, его вторая историческая редакция: новая Европа, включающая в себя русскую Европу как свою органичную и существенную часть. Тема эта, однако, требует отдельного и серьезного разговора.

¹ Я вовсе не хочу сказать, что до 1917 г. дела обстояли прекрасно и всему виной прилетевшие с Марса большевики. (Оттуда же, видимо, прилетели и современные российские «элиты», о которых с таким негодованием пишут мои оппоненты.) Просто знаменем системной трансформации может и должна стать тотальная десоветизация. В любом случае выход из нынешнего кризисного состояния, даже если на его знаменах не будет начертан лозунг о «ликвидации последствий» советского периода истории, потребует социальных трансформаций, сопоставимых по масштабам с 1917 г. К этому надо быть психологически готовым.